

126

71111111

ВЛІЯНІЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МІРОСОЗЕРЦАНІЯ НА СОЦІАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ЖЕНЩИНЫ ВЪ РОССІИ.

I.

Въ отдаленныя древнія времена, о которыхъ чуть-только начинаеть помнить исторія, наши предки-славяне, по общечеловѣческому закону первобытнаго психическаго развитія всѣхъ народовъ, переживали еще первый фазисъ своего умственнаго развитія, именно фазисъ господства чувства страха передъ таинственными силами природы внѣшней и человѣческой. Это чувство страха въ нихъ было такъ сильно, что даже преобладало надъ столько-же свойственнымъ человѣческой природѣ чувствомъ удовольствія, радости, наслажденія. Вообще, страхъ былъ, можно сказать, господствующимъ мотивомъ всего первобытнаго психическаго развитія нашихъ предковъ; чувство страха было главнымъ, преобладающимъ источникомъ всѣхъ разнообразныхъ внѣшнихъ проявленій умственной дѣятельности: по характеристическому выраженію древнихъ памятниковъ, „ужасъ“ господствовалъ „въ разумахъ“. При всякихъ неожиданныхъ, внезапныхъ, непривычныхъ для нервовъ чувствъ впечатлѣніяхъ,—въ головѣ первобытнаго предка нашего не рождалось никакого другого ощущенія, никакого разумно-сознательнаго размышленія, а возбуждалось только чувство ужаса, страха, тотчасъ-же рефлективно выражавшееся въ быстрыхъ мышечныхъ сокращеніяхъ, напримѣръ, въ паденіи испуганныхъ людей, какъ мертвыхъ. „Въ той часъ,—гласить одна древняя повѣсть,—свиснулъ великій змѣй, и не бысть такового звуку слышати николиже: люди-же отъ свиста-

нія того съ коней повергашася на землю, и лежаща на зем-
ли долъ часть мертви: по малѣ-же времени очнушася, и сѣдше
на кони своя, поидоша на мѣсто“¹⁾. Или, вдругъ видѣли, на-
примѣръ, странную, необычайную звѣзду на небѣ,—и взгляды
на нее, не возбуждая въ головномъ мозгу никакого спокойнаго,
самососредоточеннаго размышленія, никакой ясной идеи, прежде
всего порождалъ только инстинктивное чувство ужаса, страха:
„явился, — говорили наши предки, — звѣзда образомъ стран-
нымъ; отъ видѣнія сея звѣзды *страхъ объя вся челоуьки и*
ужасть“²⁾. При внезапномъ появленіи огненнаго метеора, ка-
завшагося, по закону субъективныхъ свѣтовыхъ слѣдовъ, огнен-
нымъ змѣемъ,—предки наши даже еще въ XVII вѣкѣ, по сви-
дѣтельству актовъ, „ужасались, обстрашались сильно, и отъ
ужаса падали на землю“³⁾. Особенно-же грозныя, страшныя
явленія природы возбуждали, по выраженію древняго памятника,
„ужасъ въ разумахъ“. Въ одной легендѣ XVII вѣка это перво-
бытное, пантофобическое умонастроеніе выражено такъ: „бысть
въ то время гроза и громъ страшень,—и всѣ челоуьки *ужасну-*
лись въ разумахъ, изступили-же отъ помысловъ“⁴⁾. Такъ
называемыя въ фізіологіи субъективныя ощущенія, въ родѣ
субъективныхъ свѣтовыхъ слѣдовъ въ глазу, галлюцинаціи, фан-
тазмы или обманы внѣшнихъ чувствъ, особенно зрѣнія и слуха,
часто усиливали рефлексивную возбуждаемость въ головномъ
мозгу чувства ужаса и страха. При этомъ, общее чувство стра-
ха, невольнo возбуждавшееся, какъ увидимъ дальше, первобыт-
ною, безпредѣльно-мрачною областью неизвѣстнаго и таинствен-
наго въ окружающемъ мірѣ, постоянно поддерживало пантофоби-
ческое умонастроеніе и порождало въ головномъ мозгу невольное
предрасположеніе — стовсюду ждаты въ природѣ чего-нибудь
страшнаго, необычнаго. И вотъ это общее чувство стра-
ха, въ свою очередь, еще болѣе усиливало возбуждаемость
внѣшнихъ чувствъ, особенно зрѣнія и слуха и такимъ образомъ
усиливало, въ функціи головного мозга, въ дѣятельности ума

1) Памятн. стар. руск. литерат., изд. Костомаровымъ и Пышинымъ, въ п. II,
стр. 396.

2) Густынк. лѣтопись стр. 344—345.

3) Акт. Истор., IV, 334.

4) Пам. стар. р. лит., II, 431.

господство чувства ужаса и страха. Вслѣдствіе этого даже какая-нибудь, въ первый разъ увидѣнная въ лѣсу трава,—и та могла возбудить въ головномъ мозгу нашего древняго предка только чувство изумленія и ужаса, вслѣдствіе галлюцинаціи зрительной или слуховой. „Быль нѣкій человѣкъ,—говоритъ, на-примѣръ, одна древняя повѣсть,—живяше въ дебри, и иде мужъ той искати себѣ на потребу снѣди, и ходяше по лѣсу много, и абіе обрѣте стоящу яблонь вельми добру и узрѣ на яблони траву: обвилась около древа, и сорва травы той едину смоквицу, и послышался ему отъ той травы гласъ. И человѣкъ той *ста изумляся, нападе на него ужасъ великій*“¹⁾). Однимъ словомъ, если мы разсмотримъ первобытное міросозерцаніе нашихъ предковъ—славянъ, то увидимъ, что все оно есть не что иное, какъ выраженіе полнѣйшаго господства чувства страха передъ таинственными силами природы ви́шней и человѣческой.

Это первобытное господство чувства страха необходимо обусловливалось общими фізіолого-психологическими законами умственного развитія человѣка. „Всякій знаетъ,—скажемъ словами нашего извѣстнаго фізіолога г. Сѣченова,—что невольныя движенія, вытекающія изъ головного мозга, происходятъ въ томъ случаѣ, если чувствующій нервъ раздражается неожиданно, внезапно. Въ этомъ смыслѣ, на-примѣръ, невольное вздрагиваніе человѣка отъ неожиданнаго звука, отъ посторонняго прикосновенія къ нашему тѣлу или внезапнаго появленія передъ глазами какого-нибудь образа будетъ отраженнымъ движеніемъ. Фактъ чрезмѣрно сильныхъ невольныхъ движеній, при видимой незначительности внезапнаго раздраженія чувствующаго нерва, извѣстенъ на животныхъ. На людяхъ явленіе это выражается иногда еще рѣзче. Всякому извѣстно, что неожиданный испугъ, какъ-бы незначительна ни была причина, произведшая его (раздраженіе чувствующаго нерва), всегда вызываетъ у человѣка сильныя и обширныя отраженныя движенія. Притомъ всякій знаетъ, что испугъ можетъ происходить какъ въ сферѣ спинно-мозговыхъ, такъ и въ сферѣ черепныхъ нервовъ. Можно одинаково легко испугаться какъ отъ внезапнаго прикосновенія посторонняго тѣла къ нашему туловищу, (въ которомъ развѣтвляются

¹⁾ Пам., II, 447.

спинно-мозговые нервы), такъ и отъ неожиданнаго появленія передъ нашими глазами страннаго образа, т. е, при возбужденіи зрительнаго нерва, родящагося изъ головного мозга... Страхъ ствойственъ какъ человѣку, такъ и послѣдному изъ простѣйшихъ животныхъ организмовъ, которые живутъ по нашимъ понятіямъ лишь инстинктами. Страхъ или испугъ есть, слѣдовательно, явленіе инстинктивное“ (1). И вотъ, въ силу этого-то общечеловѣческаго фізіолого-психическаго закона, предки наши неизбѣжно должны были пережить первобытнѣй общечеловѣчскій фазисъ наибольшаго, всеобщаго господства чувства страха именно въ тотъ первоначальный періодъ своего психо-фізическаго воспитанія, когда нервно-мозговая, чувствующая система ихъ, по естественной необходимости, всего болѣе подвержена была возбужденіямъ неожиданныхъ, внезапныхъ впечатлѣній, и когда страхъ и возбуждаемый имъ инстинктъ самосохраненія, при господствѣ постоянной борьбы съ таинственными, часто враждебными и зловредными силами природы, всего болѣе необходимы были для сохраненія цѣлости индивидуумовъ и для избѣжанія вредныхъ внѣшнихъ вліяній. Въ самомъ дѣлѣ, когда въ какой другой періодъ умственнаго развитія человѣка, область впечатлѣній неожиданныхъ, внезапныхъ, непривычныхъ для нервовъ чувствъ могла быть наиболѣе обширна, безпредѣльна, какъ не въ тотъ именно первобытнѣй естественнопсихологическій фазисъ умственнаго развитія народовъ, когда передъ чувственнымъ и умственнымъ кругозоромъ ихъ, естественно, всего обширнѣе и непроницаемѣе была мрачная область неизвѣстнаго, таинственнаго какъ во внѣшней, такъ и въ человѣческой природѣ? Да, тогда только изъ этой, кругомъ облежавшей чувственный и умственный кругозоръ, непроницаемо-мрачной области неизвѣстныхъ, таинственныхъ силъ природы внѣшней и человѣческой, неизбѣжно всего болѣе должны были дѣйствовать и постоянно дѣйствовали на внѣшнія чувства и умъ человѣка впечатлѣнія новыя, неожиданныя, внезапныя, потому-что тогда только область явленій, непрочувствованныхъ, невоспринятыхъ внѣшними чувствами и, оттого, непознанныхъ и-умомъ, еще вполне преобладала надъ сферой впечатлѣній испытанныхъ и познанныхъ. А когда

1) Сѣченова, Рефлексы головного мозга. Спб. 1867, стр. 40—41.

надъ внѣшними чувствами и умомъ кругомъ тѣлѣ мрачная область неизвѣстнаго, таинственнаго, тогда естественно, какъ для апіорическихъ заблужденій, такъ и для чувства страха отрывалось широкое, безпредѣльное поле. Тогда все народное міросозерцаніе и общественное устройство необходимо должно развиваться преимущественно изъ чувства страха неизвѣстныхъ, таинственныхъ силъ природы внѣшней и человѣческой и мотивироваться инстинктомъ самосохраненія. И по народнымъ преданіямъ, такъ это и было дѣйствительно.

Въ самомъ дѣлѣ, въ первобытныя времена, на самой низшей, примитивной степени умственнаго развитія народовъ, среди безпредѣльной, мрачной области неизвѣстнаго въ природѣ внѣшней и человѣческой,—естественно, все новое, въ первый разъ воспринимаемое внѣшними чувствами, неизбѣжно должно было поражать чувствующие нервы людей неожиданно, внезапно и, потому, невольно должно было возбуждать чувство страха. А страхъ, путемъ рефлексовъ съ чувствующихъ на движущіе нервы, всегда невольно долженъ былъ отражаться содрогательнымъ, трепетнымъ движеніемъ мышцъ. Вдругъ, напримѣръ, неожиданно грянулъ громъ, и первобытный предокъ нашъ впервые въ жизни слышалъ его, или, хотя и слышалъ его прежде, но еще не привыкъ къ его страшному грохоту. Слуховой нервъ его тотчасъ-же раздражительно пораженъ этимъ непривычнымъ, внезапнымъ для слуха страшнымъ воздушнымъ звукомъ. Слуховое нервное раздраженіе быстро передавалось головному мозгу и возбуждало въ немъ ощущение страха, ужаса. И вотъ, влѣдствіе рефлекса отъ испуга, подъ вліяніемъ импульса чувства страха, всѣ мышцы или двигательные органы тѣла невольно, рефлективно приходили въ трепетное содроганіе и движеніе; человѣкъ, съ невольнымъ, рефлективнымъ движеніемъ голосового аппарата, съ невольнымъ, рефлективнымъ крикомъ или воплемъ, машинально падалъ ницъ, на колѣни, и бессознательно валялся по землѣ. Такъ возникло первоначально, путемъ чисто невольнаго рефлекса, первобытное трепетное колѣнопреклоненіе передъ громомъ; потомъ, это первобытное, чисто-рефлективное колѣнопреклоненіе, послѣ частаго повторенія, естественно, стало привычнымъ, заученнымъ рефлексомъ, въ качествѣ постоянного, обрядового поклоненія грому, такъ что еще въ XVII

вѣкъ выражалось въ суевѣрномъ обычаѣ—безсознательно валяться по землѣ всякій разъ, какъ загремитъ первый громъ ¹⁾).

Точно также, и самое первоначальное сильное ощущеніе страха и ужаса при громѣ, влѣдствіе частаго повторенія, мало-помалу превратилось въ головномъ мозгу въ постоянное страшное представленіе о громѣ, какъ о таинственной грозной живой силѣ, какъ о страшномъ, карающемъ небесномъ существѣ. Такимъ образомъ возникъ мифъ о Перунѣ—богъ грома. Совершенно такимъ-же рефлексивнымъ путемъ произошло, далѣе, естественно-религіозное поклоненіе и всѣмъ другимъ божествамъ, олицетворявшимъ разныя таинственныя силы и явленія природы. Вообще, когда надъ вѣшними чувствами и умомъ первобытныхъ предковъ нашихъ кругомъ тяготѣла мрачная область неизвѣстнаго,—тогда всѣ таинственныя силы, явленія и предметы, производившіе неожиданный, внезапный эффектъ на ихъ чувствующіе нервы, невольно, рефлексивно возбуждали въ нихъ чувство страха и невольно, рефлексивно побуждали ихъ къ безсознательному благоговѣйно-трепетному поклоненію.

Когда первобытный предокъ нашъ приходилъ въ себя, послѣ первоначальнаго рефлексивнаго колѣнопреклоненія и крика, напримѣръ при внезапномъ ударѣ грома, при внезапномъ наступленіи ужасной бури, или при затмѣніи солнца и т. п.,—онъ невольно начиналъ съ тревожнымъ чувствомъ размышлять о томъ, какая таинственная сила повергла, преклонила его на землю, вызвала изъ груди его невольный крикъ, вопль и, такъ сказать, насильно, противъ его воли потребовала отъ него колѣнопреклоненія и вопля мольбы. Страхъ усиливалъ дѣятельность органа представленія. И вотъ онъ приходилъ къ тому представленію и вѣрованію, что грозно-ужасающій громъ, страшный, бурный вѣтеръ, солнце, ярко сіяющее или вдругъ неожиданно затмѣвающееся, суть неостижимыя, могучія одушевленные существа, владычествующія надъ всѣмъ живымъ. Точно также ему казалось, что и невольное паденіе ницъ, на землю, невольное колѣнопреклоненіе и рефлексивный крикъ, вопль при ударѣ грома, при страшной бурѣ, при яркомъ весеннемъ свѣтѣ или затмѣніи солн-

¹⁾ Буслаева, очерки древн. русск. литерат. и искусствъ: эпическ. поэзія XVII вѣка.

ца, требуются этими таинственными, всемогущими существами, дѣйствующими въ громѣ, въ вѣтрѣ, въ солнцѣ, слѣдовательно, составляютъ, такъ сказать, постоянную ихъ „требу“. Такимъ образомъ произошло и потомъ укоренилось, съ одной стороны, первоначальное благоговѣйно-трепетное, религіозное вѣрованіе въ боговъ природы,—въ бога грома—Перуна, въ бога вѣтра—Стрибога, въ бога солнца—Хорса или Дажьбога и т. д. Съ другой стороны, точно также первоначальное невольное, рефлексивное колѣнопреклоненіе, невольный рефлексивный крикъ или вопль при ударѣ грома, при бурѣ вѣтра и проч., однажды навсегда признаны были потомъ за невольную „требу“ этихъ боговъ, обратились въ постоянныя, обычно-обрядовыя, трепетно-богослужебныя колѣнопреклоненія, мольбы и требы для умиловленія боговъ—грома или Перуна, вѣтра или Стрибога, солнца или Хорса, Дажьбога и т. д.

Такъ-же, началась все болѣе и болѣе усложнявшаяся ассоціація и дисассоціація чувственныхъ ощущеній и невольныхъ, рефлексивныхъ мышечныхъ движеній и ощущеній, порожденныхъ чувствомъ страха, и такимъ образомъ совершался дальнѣйшій процессъ развитія мифологическаго міросозерцанія, эпоса и идолопоклонническаго богослуженія. Прежде всего, чувство страха передъ таинственными силами природы невольно возбуждало рефлексивную дѣятельность ассоціирующей и анализирующей способности головного мозга, посредствомъ болѣе или менѣе сложнаго психическаго процесса сочетанія и анализа разнообразныхъ конкретныхъ чувственныхъ возбужденій, ощущеній и представлений, порожденныхъ или всецѣло проникнутыхъ также трепетною боязнью таинственныхъ физическихъ силъ, и такимъ образомъ рефлексивно порождало въ головномъ мозгу умственный процессъ образованія мифолого-пантофобической теогоніи или зооморфической и антропоморфической персонификаціи и апотеозы таинственныхъ силъ природы. „Такъ-какъ наши произвольныя дѣйствія,—скажемъ словами Дж. Ст. Милля,—суть самые привычныя для насъ случаи связи причины съ слѣдствіемъ, то въ младенчествѣ и дѣтствѣ человѣческаго рода, они произвольно (априорически) принимаются за типъ этой связи вообще, и всѣ явленія предполагаются производимыми прямо волею какого-нибудь чувствующаго существа. Вездѣ, говоритъ Рейналь, гдѣ дикіе видятъ движеніе,

котораго не могутъ себѣ объяснить, они предполагаютъ волю, душу. Неразвитые народы дѣйствительно вѣрятъ, что солнце, луна и звѣзды, земля, море и воздухъ, источники и озера обладаютъ разумною и дѣятельною силою: покланяться имъ и молить ихъ о милости есть родъ свойственнаго дикимъ идолопоклонства“¹⁾. По этому-то общечеловѣческому, естественно-психологическому принципу, и въ мифологическомъ міросозерцаніи нашихъ предковъ, подъ вліяніемъ чувства страха таинственныхъ силъ природы, развилась вся система фетишическаго идолопоклонства и зооморфической и антропоморфической персонификаціи и апотеозы таинственныхъ силъ, явленій и предметовъ природы. При этомъ, вслѣдствіе органически-свойственной нервной организаціи сѣверныхъ славяно-русскихъ племенъ, общей медленности передвиженія возбужденій по нервамъ, обусловливаемой суровымъ холодомъ сѣвернаго климата и другими причинами²⁾, — предки наши, естественно, слишкомъ долго переживали физиолого-психологическій фазисъ первобытнаго, чисто чувственнаго развитія, періодъ преобладанія медленной возбуждаемости и поверхностной восприимчивости нервномозговой организаціи. А отъ этого, и въ мифологическомъ міросозерцаніи ихъ, самый первобытный, фетишическій сенсуализмъ, всецѣло проникнутый чувствомъ страха природы, вполне преобладалъ надъ разсудочною способностью отвлеченнаго мышленія, надъ смѣлымъ, пытливымъ, разумно-сознательнымъ обсужденіемъ физическихъ впечатлѣній. „Мы россійскій языкъ въ полуношной странѣ, — сказано въ одномъ древнемъ словѣ, — въ части Европіи исперва скифяне и славяне нарицахуся, грамоты не имѣяху, малоуміемъ же и грубостію одержими, каменію же и древу омрачахуся служеніемъ“³⁾. Каждый славянинъ, предокъ нашъ, смотря по субъективнымъ и часто галлюцинаціоннымъ ощущеніямъ зрѣнія, слуха, осязанія, безотчетно, невольно боялся того или другаго предмета природы, апіорически присвоая ему волю, душу, и потому покланялся своему богу сверхъ множества болѣе или менѣе общихъ боговъ. Такъ объ этомъ личномъ фетишизмѣ свидѣтельствуетъ одно древнее поученіе,

1) Милля, Логика ч. I.

2) См. «Естественно-психологическія условія умственнаго и соціальнаго развитія русскаго народа» въ Отечественныхъ Запискахъ 1870 г. № 3.

3) Сборн. Соловец. библ. № 923: Слово печально и рыданію обдержательно.

направленное противъ язычества нашихъ предковъ: „овъ рѣку богиню нарицаеть и звѣрь живущъ въ ней, аки бога, нарицаа, требу творить; а за инья боги кто можетъ рещи: *всякій бо человекъ своего бога имѣаше*, ини почитаху звѣри, ови же змѣи, гады, ини ини различныя¹⁾.) „Только уже въ послѣдствіи, передъ временемъ распространенія христіанства, мало-по-малу начала развиваться и болѣе общая зооморфическая и антропоморфическая теогонія, хотя далеко не въ такихъ типическихъ формахъ, какъ, напримѣръ, теогонія древне-эллинская²⁾). Далѣе, медленно, но непрерывно совершался процессъ невольной рефлексивной ассоціаціи первоначальныхъ представленій, порожденныхъ чувствомъ страха таинственныхъ силъ и явленій природы, съ новыми, внезапными, неожиданно-поразительными впечатлѣніями, также возбуждавшими чувство страха, рефлексивно выражавшееся въ мышечныхъ движеніяхъ. И путемъ этой, все болѣе и болѣе осложнявшейся, ассоціаціи ощущеній и представленій развилась вся система мифологическаго эпоса и міросозерцанія, или теолого-пантофобическаго воззрѣнія на вѣдншую и человѣческую природу. Разнообразные страшные образы и представленія, порожденные чувствомъ страха при первоначальномъ внезапномъ чувственномъ воспринятіи раз-

1) Слова, направленныя противъ язычества нашихъ предковъ-славянъ, напечат. въ лѣтоп. русс. литер. и древности, т. IV, стр. 85.

2) См. изслѣдованіе г. Афонасьева: Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, или опытъ сравнительнаго ученія славянскихъ преданій и вѣрованій, въ связи съ мифическими сказаніями другихъ родственныхъ народовъ. М. 1865. т. I. Еще въ IX вѣкѣ славянскія племена поклонялись камнямъ, горамъ, рѣкамъ, озерамъ, колодцамъ или ключамъ, лѣсамъ и рощамъ, звѣрямъ и т. д. Наприм. Гельмольдъ о славянахъ своего времени пишетъ: *inribiti sunt Slavi de coetere juvake ein arboribus, fontibus et lapidibus*. Lib. 1, с. 84. Несторъ свидѣтельствуетъ о русскихъ славянахъ: „бяху же тогда поганѣи, жруще озеромъ и кладяземъ и рошеніямъ. Нест. Шлец. 1, 175. Не приводя всѣхъ дальнѣйшихъ свидѣтельствъ изъ XI—XIII вѣка, — укажемъ еще на слѣдующее извѣстіе одного сборника XVII вѣка: вѣрують (язычники) въ солнце, глаголюще, яко то грѣеть ны, и въ землю вѣрують, такоже глаголюще, яко та питаетъ ны, и въ скоты наша и въ волю вѣрують, якъ тыя ролью (шахоту) намъ дѣлають, и въ псы, въ стрѣлу, и въ роки, и въ лѣсъ, и въ дубіе вѣрують: то все себѣ нарицають боги (Сборн. Солов. библ. № 925, и 72 об.). По смыслу этого свидѣтельства, общее чувство страха таинственныхъ силъ и предметовъ природы ассоціировалось, въ частности, съ эгоистическимъ чувствомъ страха за существованіе, за средства жизни, и, возбуждая инстинктъ самосохраненія, невольно побуждало вѣровать въ солнце, въ землю, въ домашній скотъ, въ рѣки, въ лѣсъ, въ дубы, и поклоняться имъ изъ страха лишиться ожидаемаго отъ нихъ добра, милости и благодѣаній въ жизни.

личныхъ неожиданно-поразительныхъ, непонятныхъ и страшныхъ явленій природы,—эти первоначальные образы и представленія сопрягались съ новыми страшными образами и представленіями, какія по-прежнему невольно возбуждались новыми внезапными, таинственными и страшными явленіями природы, и непрерывно-послѣдовательно накоплялись въ быту звѣроловческомъ, пастушескомъ и земледѣльческомъ. Такимъ образомъ составлялись новые, все болѣе и болѣе сложные мифы зооморфическіе, антропоморфическіе и т. п. Такъ, на примѣръ, въ періодъ звѣроловческой, когда древній предокъ нашъ въ первый разъ видѣлъ въ лѣсу страшнаго звѣря—медвѣдя, ведра или волка,—невольно, въ рефлексъ отъ испуга, со страхомъ и трепетомъ преклонялся передъ ними. Потомъ, постоянно видя въ лѣсу этихъ звѣрей, онъ мало-по-малу привыкъ къ нимъ, тѣмъ болѣе, что и самъ жилъ въ лѣсу, по словамъ лѣтописи, „звѣринскимъ образомъ, яко же всякій звѣрь“. Вслѣдствіе такого постояннаго созерцанія въ лѣсу звѣрей, вродѣ волковъ или ведеръ, въ мозгу его естественно напечатлѣвались и преобладали зооморфическія представленія вродѣ представленія о волкахъ, объ оборотняхъ въ волковъ или ведеръ, или о „волкодлакахъ“ чудовищныхъ и страшныхъ. Однимъ словомъ, это былъ періодъ зооморфическаго міросозерцанія, зооморфическихъ божествъ, зооморфическаго, „животннаго эпоса“¹⁾. И вотъ потомъ, когда въ головѣ древіяго славянина-звѣролова сложились такія зооморфическія представленія, — вдругъ, въ первый разъ и неожиданно видѣлъ онъ на небѣ страшное явленіе,—внезапное полное затмѣніе солнца, и видѣлъ, быть можетъ, въ такую минуту, когда, ходя въ лѣсу за звѣрями, съ суевѣрнымъ страхомъ помышлялъ о какихъ-нибудь „волкодлакахъ“ или „уцбрыхъ“. Такое необычайное, неожиданное и въ первый разъ увидѣнное зрѣлище, какъ затмѣніе солнца, поразивши органъ зрѣнія славянина-дикаря, тотчасъ-же возбуждало въ немъ чувство испуга, страха и смущенія, и, путемъ рефлекса на голосовыя и разговорныя мышцы его, машинально исторгало изъ груди его невольный крикъ: „о великъ

¹⁾ Афонасьевъ, о зооморфическихъ божествахъ у славянъ въ Отечествен. Зап. 1862 №№ 1, 2 и 3. Его же о животномъ эпосѣ, въ примѣчаніяхъ къ изданнымъ имъ русскимъ сказкамъ. Подробности см. въ кн. г. Афонасьева: «поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, т. 1, гл. XII—XIV: Баснословныя сказанія о звѣрыхъ, стр. 592—796.

страхъ, о ужасъ! Погибе солнце!“ При этомъ, когда дикій звѣроловъ-славянинъ мало-по-малу опаматовался, приходилъ въ себя и начиналъ размышлять о случившемся на небѣ явленіи, — въ головѣ его быстро воспроизводилось возникшее прежде и преобладавшее въ памяти зрительно-слуховой зооморфическое представлѣніе о волкахъ и волкодлакахъ, и невольно, путемъ рефлексивной ассоціаціи, смѣшивалось съ новымъ, неожиданно-поразительнымъ и страшнымъ зрѣлищемъ — затмѣніемъ солнца. И вотъ, объясняя себѣ затмѣніе солнца, „невѣгласи“ съ ужасомъ говорили: „о, ужасъ, о, страхъ! Снѣдаемо солнце волкодлаками“, т. е. пожирается оборотнями въ волка или вепря ¹⁾. Точно также всякое другое внезапное и необычайное явленіе природы, неожиданно поражая органъ зрѣнія или слуха, путемъ рефлексивнаго дѣйствія на головной мозгъ, возбуждало чувство страха, ужаса и унынія и, сочетаясь съ какимъ-нибудь представленіемъ, образовавшимся прежде, порождало новое страшное мифологическое представлѣніе, новый зооморфическій мифъ. Вдругъ, видѣли, напримѣръ, комету или новую, невиданную прежде звѣзду: органъ зрѣнія сильно поражался ею, возбужденно воспринималъ ея образъ, а центрально-мозговой, психической органъ представленія, возбужденный ощущеніемъ страха, при этомъ чувственномъ возрѣніи на комету или звѣзду, быстро рефлексивно воспроизводилъ, напримѣръ, изъ того-же звѣроловческаго быта какіе-нибудь прежде воспринятые нервными аппаратами образы, которые ему казались похожими на образъ видимой кометы или звѣзды, представляя, напримѣръ, хвостъ звѣриный, копые звѣроловческое и т. п. И вотъ, такимъ образомъ, устрашеннымъ предкамъ нашимъ необычайная звѣзда или комета казалась „хвостатой“ или „аки копые“ и наводила на нихъ ужасъ и страхъ: „явися, говорили со страхомъ даже въ болѣе позднее время, — явися звѣзда хвостата, образомъ страшнымъ и отъ видѣнія сего звѣзды страхъ объя вся челоувѣки и ужасъ“ ²⁾. Или, въ тотъ-же звѣроловческой періодъ, были наши предки на „ловитвѣ звѣрей“ и вдругъ

¹⁾ Ипат. 7: „погибе солнце и бысть яко мѣсяць, его-же глаголютъ неvēгласи: „снѣдаемо солнце“. Буслаева Очерки старин. русс. литерат. 1, 93: егда убо погибеть луна или солнце, селяне глаголютъ: *«волкодлаци луно изыдоше или солнце»*.

²⁾ Густын. лѣт. 344 — 345.

видѣли — неся въ атмосферѣ огненный метеоръ: въ рефлексѣ отъ страшнаго испуга, они тотчасъ-же, по выраженію актовъ, „обстрашались зѣло и отъ ужаса падали на землю“. При этомъ, по извѣстному физиологическому закону такъ-называемыхъ „субъективныхъ свѣтовыхъ слѣдовъ“, огненный метеоръ, вслѣдствіе непрерывнаго и быстрого движенія, оставлялъ въ глазу непрерывный свѣтовой слѣдъ, аналогично, на примѣръ, съ явленіемъ огненнаго круга, образующагося вслѣдствіе быстрого вертѣнія передъ глазомъ раскаленнаго угля. А въ головѣ нашихъ предковъ, въ періодъ зооморфическаго міросозерцанія, передъ тѣмъ только-что образовались и живо сохранялись разнообразныя страшныя представленія о „змѣяхъ летящихъ“, о „змѣяхъ горынчищахъ“ и т. п. И вотъ это-то представленіе о страшномъ „летащемъ змѣѣ“, въ умѣ темнаго народа рефлексивно сопрягалось, при видѣ метеора, съ тѣмъ субъективнымъ свѣтовымъ слѣдомъ, какой образовался въ глазу вслѣдствіе непрерывнаго продолженія быстрого вращательно-поступательнаго движенія метеора, и, такимъ образомъ, глазамъ народнымъ огненный метеоръ казался летящимъ огненнымъ змѣемъ. „И абіе, говоритъ лѣтописецъ, — спаде съ небесе змій превеликъ и ужасошася вси людіе, яко и самой землѣ въ то время стукнути и стонати“. Даже еще въ XVIII вѣкѣ огненный метеоръ казался народу извивавшимся по небу огненнымъ змѣемъ и наводилъ такой страхъ, что „отъ ужаса люди падали на землю“. Такъ произошелъ мифъ объ огненномъ змѣѣ *). Наконецъ, какъ чувственно-перцепціонное развитіе древне-славянскаго народнаго міросозерцанія проистекало вообще изъ чувства страха таинственныхъ силъ и явленій природы, такъ и все дальнѣйшее, апіорическое развитіе его мотивировалось тѣмъ же страхомъ природы вообще и, въ частности, боязнью и трепетнымъ опасеніемъ за цѣлость и сохраненіе жизни, за обезпеченіе физиологической потребности пищи, жилища, одежды, здоровья и безопасности. Такой источникъ и смыслъ имѣютъ всѣ народныя физическія примѣты, весь народный физическій мѣсяцесловъ *). Вслѣдствіе всеобщаго страха таинственныхъ физическихъ силъ, все въ природѣ предзнаменовало или

* Сборн. Солов. библ. № 864, л. 140. П. С. Лѣт. 1,92. А. И. IV, 334.

* См. народный мѣсяцесловъ и примѣты въ сборникѣ пословицъ рус. народа, издан. Далемя.

предвѣщало что-нибудь существенно-относящееся къ народной физической или нравственной жизни, какое-нибудь народное бѣдствіе или страданіе. При этомъ разъ замѣченное случайное совпаденіе или апіорически, произвольно принятая связь какихъ-нибудь страшныхъ физическихъ явленій съ тѣмъ или другимъ физическимъ бѣдствіемъ народа, въ силу апперцепціи, принимались потомъ и за постоянный физическій законъ, а потому и за постоянную физическую примѣту. Напримѣръ, такія грозныя явленія природы, какъ страшное волненіе моря, сильный громъ, разрушительная буря, чрезмѣрные проливные дожди, необычайное умноженіе и движеніе хищныхъ звѣрей и т. п., — такія страшныя физическія явленія уже сами по себѣ возбуждали страхъ и трепеть за жизнь, здоровье и безопасность и, вѣдствие этого, рефлективно порождали разныя апіорическія, суевѣрно-боязливыя гаданія насчетъ цѣлости и сохранности жизни и здоровья, заступивали воображеніе боязливымъ ожиданьемъ многократно-испытанныхъ и тяжело-прочувствованныхъ народомъ бѣдствій—мора, неурожая, наводненія и т. п. А при этомъ, если такія грозныя физическія явленія, какъ бурное волненіе моря, страшный громъ, сильныя бури и т. д., хоть разъ дѣйствительно совпадали случайно съ страшными народными бѣдствіями — моромъ, голодомъ или войною, то съ тѣхъ поръ, запомнутыя твердо, отмѣченныя въ народныхъ примѣтахъ, а впослѣдствіи записанныя даже въ лѣтописяхъ, эти грозныя, страшныя физическія явленія уже положительно и однажды навсегда принимались за вѣрный и постоянный признакъ или примѣту, предвѣщавшую именно эти народныя бѣдствія — морь, неурожай и голодъ, войну и т. п. Подобныхъ примѣтъ образовалось вообще безчисленное множество ¹⁾. Громъ всегда возбуждалъ чувство содроганія, страха и трепета за жизнь, — и вотъ, подъ вліяніемъ этого страха и дрожанія за жизнь при звукѣ грома, развились всѣ примѣты о предвѣщательномъ знаменованіи грома относительно самыхъ животрепещущихъ потребностей жизни. Примѣты эти впослѣдствіи записаны были въ „сказаніи о громѣ“ ²⁾. Вообще, чѣмъ больше была область неизвѣстнаго въ природѣ, чѣмъ больше было впечатлѣній

¹⁾ Костомарова, Очеркъ правовъ великорус. народа, стр. 185.

²⁾ Сборн. Солов. библ. № 182.

совершенно новыхъ, неожиданныхъ, тѣмъ обширнѣе была и мрачная область страшнаго въ природѣ; и тѣмъ сильнѣе эти впечатлѣнія рефлективно раздражали и потрясали нервную систему, чѣмъ мучительнѣе затрогивали они эгоистически-животный инстинктъ самосохраненія. А по законамъ человѣческой природы извѣстно, что впечатлѣнія или ощущенія непріятныя, мучительныя, такъ-же, какъ и особенно-пріятныя и радостныя, всегда сочетаются въ нашемъ представленіи легче и сильнѣе другихъ впечатлѣній и идей, т. е. соединяются послѣ меньшаго числа повтореній и ассоціація ихъ прочнѣе. И вотъ по этому-то закону ассоціаціи ощущеній и идей развивалась многосложная система суевѣрныхъ примѣтъ, религіозныхъ вѣрованій и вообще мифологическаго міросозерцанія; и общее чувство страха природы, такимъ образомъ, всецѣло проникало все умонастроеніе и политеистическое міросозерцаніе: то какое-нибудь страшное мифическое пугало лѣсное — „дивъ“ кликалъ съ вершины дерева и вѣщаль что-нибудь недоброе, страшное, то зловѣщій крикъ птицы, ревъ и свистъ звѣрей пророчилъ бѣду, то „начать трава жалошамъ, а древо съ тугою къ земли преклонитися“, тоже страшая недобрыми знаменіями, то вѣтры, стрибоговы внуки, не къ добру вѣяли съ моря стрѣлами, предвѣщая погибель и обиду въ силахъ Дажьбожа внука. „Солнце ему тьмою, поетъ Слово о полку Игоревѣ, — путь заступило; ночь, стонуши ему грозою, птицъ зловѣщихъ разбудила... Бѣды его вѣщали птицы и свистъ звѣринъ въ лѣсахъ, волки грозу ему сторожили по яругамъ, орлы клеткомъ звали звѣрей на кости людскія: „о русская земле!“ Сь тяжкимъ мучительно-тревожнымъ чувствомъ страха, съ рабскимъ трепетомъ передъ владычествомъ природы Ярославна заклинала вѣтеръ и солнце, чувствуя ихъ всеильное господство надъ людьми: „о, вѣтре, вѣтрило! чему, *господине*, насильно вѣеши? Чему мычещи хановскія стрѣлы на своєю нетрудную крыльцю на моя лады вои? Мало-ли ти бѣше горѣ подѣ облаки вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ-морѣ? Чему, *господине*, мое веселіе ковылію развѣя?.. Свѣтлое, пресвѣтлое солнце! Чему, *господине*, простре горячую свою лучю на моя лады вои? Чему въ полѣ безводнѣ жаждою имъ луци съпряже, тугою имъ тули затче!“

Какъ во внѣшней природѣ все, что неожиданно, поразительно дѣйствовало на органы чувствъ нашихъ предковъ-язычниковъ,

возбуждало въ нихъ страхъ и рефлексивно выражалось въ мышечныхъ движеніяхъ колѣнопреклоненія, моленія и т. д., такъ и въ человѣческой природѣ все, что раздражительно поражало чувствующие нервы, все, что ощущалось и замѣчалось въ организмѣ человѣческомъ въ первый разъ или неожиданно, или что особенно выступало изъ ряда обыкновенныхъ анатомо-физиологическихъ явленій и проявлялось внезапно и непонятнымъ образомъ, — все это точно также возбуждало страхъ и трепеть, и это чувство страха, въ свою очередь, также невольно, рефлексивно проявлялось въ трепетныхъ мышечныхъ движеніяхъ — колѣнопреклоненіяхъ, мольбахъ, наговорахъ, заклятіяхъ и т. п. Такимъ образомъ всеобщая распространялась и на человѣческую природу, относилась и къ міру антропологическихъ явленій. Такъ, напримеръ, прежде всего самый физиологическій актъ рожденія человѣка и потомъ — рожденія цѣлаго рода или племени, по неостижимости своей для первобытнаго человѣка, казался изумительнымъ и страшнымъ. Первоначально одинъ видъ непонятнаго и мучительнаго акта рожденія человѣка долженъ былъ производить тяжелое, страшное впечатлѣніе на всѣхъ, впервые видѣвшихъ его, и потому невольно возбуждалъ чувство изумленія, страха и ужаса. Такъ-какъ первобытный человѣкъ все внѣ себя представлялъ съ субъективной точки зрѣнія, и во всякомъ внѣшнемъ движеніи предполагалъ такую-же живую, самопроизвольно-движущую силу, какую ощущалъ и въ себѣ, — то и въ актѣ рожденія человѣка и въ самой рожаницѣ, въ моментѣ родовъ, онъ предполагалъ присутствіе и дѣйствіе особой живой силы, особаго невидимаго существа или духа, производившаго актъ рожденія, мучившаго рожаницу во время родовъ и устрашавшаго всѣхъ окружающихъ ее. Такъ могло возникнуть поклоненіе „роду и рожаницамъ“. Первоначальное невольное, рефлексивное паденіе и колѣнопреклоненіе передъ рожаницей, вызванное испугомъ или страхомъ, признано было за постоянную „требу“ или требованіе особеннаго невидимаго существа — духа рода и рожаницы, и такимъ образомъ обратилось въ постоянное, обычное религіозно-обрядовое поклоненіе роду и рожаницѣ. По свидѣтельству древнихъ памятниковъ, роду и рожаницамъ поклонялись, молились, пѣли бѣсовскія пѣсни, требы клали, приносили въ жертву хлѣбъ, сыръ, медъ, куръ и проч. Бабы варили кашу на собраніе рожаницамъ,

въ честь имъ стригли первые волосы съ дѣтей. Страхъ не-
стижимаго акта рожденія человѣка, страхъ рода и рожаницы по-
родилъ, далѣе, суевѣрную боязнь и за всю судьбу новорожден-
наго младенца. Отсюда возникло вѣрованіе, что въ тотъ день,
когда рождался младенецъ, ему давался, по вліянію рожаницы,
„норовъ или осудъ“. Отсюда старинныя выраженія: „на роду на-
писано“, или „завѣченъ я у родителей“. Такимъ образомъ воз-
никъ религіозно-фаталистическій страхъ „судьбы“, „рока“. Если
непостижимый для первобытныхъ людей фізіологическій актъ
рожденія человѣка возбуждалъ чувство ужаса и породилъ тре-
петное поклоненіе роду и рожаницамъ, то такія необычныя
явленія дѣторожденія, какъ монстры или уроды, недоразвившіеся
или уродливо развившіеся эмбрионы, естественно, должны были
производить впечатлѣніе еще болѣе ужасающее. Въ одномъ древ-
немъ словѣ, обличающемъ языческія суевѣрія славянъ, такъ за-
свидѣтельствовано это религіозно-трепетное поклоненіе уродамъ
или „недоношеннымъ породамъ“. „Кланяются они (славяне) стег-
нороженію, роженію недоношеннаго порода, мати бо его рожаючи
оказися, и того (недоношеннаго порода) сотвориша богомъ, кла-
няются богу мужежену, тѣмъ-же богамъ жертву творять и кла-
дуть и славянскій языкъ, и начаша требу творити своимъ бо-
гамъ роду и рожаницѣ ¹⁾. Далѣе, вдругъ, въ первый разъ ви-
дѣли древніе предки наши какое-нибудь аномальное или особенно-
странное и безобразное уклоненіе въ анатомическомъ строеніи, въ
наружномъ видѣ человѣка, или внезапно встрѣчали, напримѣръ,
человѣка съ кривыми, косыми или разноцвѣтными глазами, съ
рыжими, бѣлыми или черными волосами и т. п.,—и вотъ, опять,
на первыхъ порахъ поражались страхомъ. Рефлексъ отъ страха
выражался на разговорныхъ мышцахъ, и чувство страха рефлек-
тивно изливалось въ такомъ трепетно-боязливомъ заклианіи: „за-
вяжи, господи, отъ бѣловолосаго, отъ черноволосаго, отъ рыже-
ватаго, отъ русоволосаго, отъ одноглазаго, разноглазаго у ушр-
ца“ ²⁾. Какъ на лапландцевъ, въ силу ихъ особенной нервной
раздражительности (пантофобіи), всякое неожиданное тѣлодвиже-

¹⁾ Лѣтоп. стар. русс. литературы: поученія, направленные противъ языче-
чества III, 99—100.

²⁾ Архивъ г. Калачева кн. II, 2. пол.

ніе — нечаянное открытіе или закрытіе рта, внезапное движеніе указательнаго пальца и т. п., по свидѣтельству Кастрена и Гестрема, обыкновенно наводитъ всеобщее нервное потрясеніе, и отъ испугу они падаютъ, какъ мертвые ¹⁾, такъ-же точно и въ предкахъ нашихъ, въ первобытный періодъ ихъ нервно-мозгового, психическаго развитія, — всякій неожиданный физиологическій актъ, всякое внезапное движеніе или сотрясеніе того или другаго члена обыкновенно возбуждали испугъ, страхъ и трепеть, особенно когда случались въ первый разъ. Вдругъ, напримѣръ, засвербѣла ладонь на рукѣ; чего прежде не было, или — зазвенѣло въ ухахъ, — первобытный человѣкъ априорически думалъ, что какая-нибудь особенная сила, какой-нибудь духъ, демонъ производилъ это свербѣніе ручной кисти или этотъ звонъ въ ухахъ, — и вотъ, боялся „ухо-звона“, страшился чего-то зловѣщаго въ неожиданномъ зудѣ ручной ладони. Или, вдругъ, неожиданно произошло рефлективное движеніе въ носовой полости отъ раздраженія чувствующихъ волоконъ тройничнаго нерва какими нибудь острыми парами или пылью, и отъ того вдругъ человѣку чихнулось, чего прежде не случалось, — и вотъ опять поражались испутомъ и рефлективнымъ трепетомъ: не понимали, что это за сотрясеніе, чиханіе, какая невидимая сила вдругъ, неожиданно производитъ такое рѣзко-выдающееся движеніе въ носу, — и вотъ боялись чиханія, какъ зловѣщаго звука, со страхомъ вѣрили „въ чохъ“. Такъ-же раздражительно дѣйствовали на чувствующіе нервы, а съ нихъ, путемъ рефлекса, и на весь организмъ и многія другія внезапныя тѣлесныя движенія, напримѣръ: неожиданное или необычайное движеніе глазъ, дрожаніе или сотрясеніе какой-либо мышцы, мановеніе руки и т. п. Боялись всякаго малѣйшаго сотрясенія въ бровяхъ, въ пальцахъ, страшились сотрясенія лѣваго плеча, чесанія глаза, зуда въ переноси, иканья, со страхомъ смотрѣли на слѣдъ, оставляемый ступней человѣка. Но особенно боялись злой страшной силы глаза, насылающей на человѣка бѣдствія и ужасныя болѣзни, такъ что только „заговорное слово“, по народному повѣрью, могло спасти отъ навожденія злого глаза, „отъ призора и сглаживанья“.

¹⁾ См. статью Лазаруса: „Обмамы чувствъ“ въ „Современн. Обозрѣніи“ 1868 г. № 4.

Наконецъ, не говоря уже о томъ, какой страхъ возбуждало вѣщее заговорное слово вѣдуна или вѣдуньи, — самая мысль человѣческая, особенно непостижимая для первобытнаго человѣка, была для него страшна, казалась ему зловѣщей. Вслѣдствіе этого боязливо-фаталистическаго страха ума, — въ самой мысли человѣческой боялись зла, и особенно страшились зломыслія вѣдуна-знахаря, со страхомъ вѣруя въ присущую его уму особенную, сверхъестественную вѣщую силу. Отъ злой мысли, отъ магической силы вѣщаго ума, вѣщей думы вѣдуна заговаривались заклятіемъ: „завяжи, господи, колдуну и колдунѣ, вѣдуну и вѣдунѣ, и упиру на раба божія зла не мыслити“. Съ трепетной боязнью злой мысли, — вопрошали ея тайны, гадали о ея страшныхъ, роковыхъ предопредѣленіяхъ. Появившіяся впоследствии особыя гадальныя тетради, извѣстныя подъ названіемъ „Рафлей“, такими, напримѣръ, зловѣщими предопредѣленіями „злой мысли“ устрашали суевѣрно-боязливаго гадальщика: „въ мысляхъ твоихъ грѣха много, а корысти мало, отъ той мысли удаляйся и не слушай себя, добро будетъ; аще станешь помышлять, — будетъ погибель, лишися отъ нея: зла сія мысль! Аще думаеши о болѣзни, то смерть будетъ, или о домашнемъ — отнюдь не потребна... И сія тебѣ мысль не на пользу: еще о болѣзни думаешь — болѣзнь будетъ злая, и въ путь свой не ходи — смерть будетъ, и недругъ твой хочетъ тебѣ бѣду сдѣлать. И сія тебѣ мысль не на пользу: и ты, человѣче, задумай, что тебѣ другая мысль скажетъ“ и т. д. Вообще, человѣческая природа едва-ли еще болѣе возбуждала въ первобытномъ умонастроеніи нашихъ предковъ чувство страха и трепета, чѣмъ природа внѣшняя, физическая.

При такомъ господствѣ чувства страха природы внѣшней и человѣческой, долго умъ народный не могъ сознать и своей самостоятельности, не могъ опознаться въ сферѣ внѣшней природы. Подавленный чувствомъ страха таинственныхъ силъ природы, окруженный отовсюду мракомъ неизвѣстнаго, онъ самъ своею мыслью еще неспособенъ былъ постигать непостижимое въ природѣ и судьбахъ человѣческой жизни, и робко, боязливо ожидалъ объясненія тревожно-мучительныхъ тайнъ и вопросовъ жизни отъ самой окружающей природы. Не сознавая своей самодѣятельности, младенчествуящій умъ человѣческій всѣ свои представленія, всѣ свои ощущенія принималъ за таинственныя вѣщанія или внушенія ума,

пребывающаго въ предметахъ и явленіяхъ внѣшняго міра. Со страхомъ и трепетомъ первобытный предокъ нашъ прислушивался къ каждому звуку въ природѣ—къ треску дровъ въ огнѣ, къ шуму лѣса, къ скрипу дерева, къ крику птицъ и проч., чтобы вывѣдать тѣ страшныя, тревожно-безпокоящія умъ тайны жизни, какія сокрыты въ таинственныхъ силахъ природы. Въ травѣ, въ растеніи ему представлялся таинственный вѣщій умъ, знавшій всѣ тайны человѣческой природы, и слышался голосъ, раскрывавшій ему секреты растительнаго міра, имѣвшіе отношеніе къ человѣческой жизни ¹⁾.

Очевидно, и самые первые, грубые зачатки умственного самосознанія должны были зарождаться крайне медленно и съ большимъ трудомъ. Только тогда уже стали возникать первыя проявленія самоощущенія или самосознанія ума въ сферѣ природы, когда рядомъ съ первобытною безпредѣльною областью неизвѣстнаго и, потому, страшнаго въ природѣ внѣшней и человѣческой, началъ мало-по-малу обозначаться и очерчиваться первый, чуть замѣтный кругъ извѣстнаго, привычнаго для нервовъ чувствъ и, потому, болѣе уже не такъ страшнаго для запуганныхъ умовъ. Только мало-по-малу накоплялся запасъ болѣе или менѣе полныхъ представленій объ окружающихъ предметахъ природы, запасъ элементарныхъ конкретныхъ знаній. Сначала всего боясь въ природѣ, человѣкъ инстинктивно всего долженъ былъ остерегаться, и это постоянно возбуждаемое страхомъ инстинктивное чувство самосохраненія неволью мало-по-малу развивало въ немъ самоощущеніе, самосознаніе, въ противоположность устрашавшимъ объективнымъ предметамъ или явленіямъ природы. Это умственное самоощущеніе или самосознаніе становилось наиболѣе яснымъ и смѣлымъ въ сферѣ тѣхъ окружающихъ предметовъ или явленій природы, которые, вслѣдствіе постепенной привычки къ нимъ нервовъ чувствъ, уже не возбуждали первоначальнаго чувства страха, а напротивъ, будучи болѣе или менѣе познаны умомъ, давали ему первую точку опоры на пути къ дальнѣйшему самоопознанію въ сферѣ окружающей природы, сообщали ему первый лучъ ободрающаго свѣта въ мрачной области неизвѣстнаго. Постоянно лоя и убивая звѣрей или птицъ, или срывая травы и упо-

¹⁾ Памят. II, стр. 415, 447—449;

требляя ихъ для удовлетворенія своихъ жизненныхъ потребностей, человѣкъ, естественно, всякій разъ чувствовалъ самого себя, такъ сказать, невольно ухватывался за свою голову, напрягалъ свой мозгъ — способность соображенія, и особенно чувствовалъ это невольное умственное напряженіе тогда, когда неожиданно встрѣчалъ какое-нибудь препятствіе въ ловѣ звѣрей, или птицъ, въ собираніи травъ и кореньевъ, или когда испытывалъ отъ нихъ какой-нибудь вредъ. И вотъ, это-то первоначальное самоощущеніе или самосознаніе ума въ сферѣ окружающей природы выразилось, вопервыхъ, въ вѣдунствѣ или знахарствѣ, во вторыхъ, — въ зачаткахъ первобытной человѣческой пытливости или любознательности, высказавшейся въ дѣтской склонности первобытнаго ума къ загадкамъ. Вѣдунство было первымъ выраженіемъ общественной функціи младенчествующаго ума. Вѣдуны первые заявляли за собою знаніе тайнъ природы, свойствъ звѣрей, растений, камней, и умственную силу — покорять устрашающую человѣка природу. Недаромъ, и въ историческія времена, вѣдуны были первыми составителями зачаточныхъ ботаническихъ описаній — травниковъ, и въ то время, когда русскіе, одержимые чувствомъ страха природы, боялись даже рыться въ горахъ, искать золота или серебра, — въ то время вѣдуны, волхвы являлись первыми смѣльчаками, на которыхъ возлагалось дѣло изысканія рудъ. Въ началѣ-же, когда только-что стали появляться вѣдуны, они производили паническій страхъ въ пантофобически-настроенныхъ умахъ. Темная масса народа съ изумленіемъ смотрѣла на первое рѣзко-выдающееся проявленіе ума въ вѣдунствѣ, и сколько вѣрила въ него, столько-же боялась, трепетала его непостижимой вѣщей силы. Какъ впоследствии умъ человѣческій, прежде, чѣмъ сталъ съ благоговѣніемъ смотрѣть на великихъ міровыхъ геніевъ естествоиспытанія, долго сначала боялся ихъ какъ маговъ, чародѣевъ и черно книжниковъ, — такъ въ младенчествѣ и дѣтствѣ своемъ онъ вѣрилъ въ чародѣйновѣщій умъ вѣдуновъ, и страшился ихъ, какъ людей необыкновенныхъ, знавшихъ съ страшными таинственными силами природы. Въ одно время съ вѣдунствомъ, первое самоощущеніе ума въ сферѣ природы выразилось и въ пытливыхъ вопросахъ загадки. Въ началѣ загадки состояли изъ замысловатыхъ вопросовъ о тѣхъ отдѣльных предметахъ или явленіяхъ природы, которыя умъ

прежде всего позналъ, какъ напр. объ извѣстныхъ растеніяхъ, звѣряхъ, камняхъ, о днѣ и ночи и т. п.; впоследствии, во времена водворенія христіанства на Руси, загадка стала мало-помалу обращаться въ космогоническую думу, въ вопросы о началѣ міра и человѣка, о происхожденіи солнца, мѣсяца, звѣздъ, вѣтровъ, грома, звѣрей, птицъ, растеній и т. д. Какъ вѣдунство, такъ отгадыванье загадокъ вначалѣ возбуждало необыкновенное удивленіе, какъ чудо непостижимой вѣщей силы ума ¹⁾.

Таковы были первые, самые тусклые проблески умственного самоощущенія человѣка въ кругомъ-облежавшей его мрачной области неизвѣстнаго въ природѣ внѣшней и человѣческой. Но если вникнуть глубже, то легко замѣтить, что и эти первобытные, грубые зачатки умственного самоощущенія почти всецѣло проникнуты были тѣмъ-же чувствомъ страха таинственныхъ силъ природы. Только-что пробуждавшійся первобытный умъ человѣческій еще даже и не смѣлъ самъ себѣ задавать пытливые вопросы, хоть въ формѣ загадки, и не дерзалъ свободно рѣшать ихъ. Подавленный чувствомъ страха природы, онъ боялся вопросовъ, касавшихся таинственныхъ силъ и явленій природы. Онъ не смѣлъ самъ собою додумываться даже и до загадокъ, не смѣлъ приписывать себѣ мудрость загадочныхъ вопросовъ, а приписывалъ ее страшнымъ таинственнымъ существамъ, мерещившимся ему въ водахъ и лѣсахъ, въ образѣ вѣщихъ виль и русалокъ. Не смѣло, а со страхомъ и трепетомъ онъ и рѣшалъ эти загадки, боясь, чтобы русалки не защекотали его до смерти за нерѣшеніе загадки или за рѣшеніе ея, несогласное съ ихъ вѣщимъ умомъ. При первыхъ-же порывахъ первобытной, дѣтской пыливости ума, его зашугивалъ страхъ темныхъ силъ. Еще болѣе проникнуто было чувствомъ страха природы вѣдунство. Страхъ таинственныхъ силъ природы, можно сказать, и породилъ его. Вѣковой гнетъ мрачнаго, тяжелаго чувства страха природы до того напрягалъ и возмущалъ головной мозгъ тьмой разныхъ страшныхъ представленій, что, наконецъ, невольно, рефлексивно выражался страшнымъ крикомъ мятежнаго ропота и заклятія противъ устрашающихъ и гнетущихъ силъ природы или, по крайней мѣрѣ, робкимъ боязливымъ напентываніемъ за-

¹⁾ Памят. II, 349, 350.

говора противъ нихъ. Да и самъ волхвъ-вѣдунъ преисполненъ былъ чувства страха передъ таинственными силами природы. Въ томъ-же царствѣ растительномъ, гдѣ вѣдунъ-зеленикъ особенно заявлялъ свое знахарство, къ тому или другому растенію и корню онъ и самъ приступалъ съ общимъ суевѣрнымъ страхомъ и трепетомъ, боялся, чтобы не оскорбить пребывающаго въ травахъ и корняхъ демона, и, не смѣя приступить во всякое время, съ трепетомъ выжидалъ урочнаго дня и часа. И для темнаго народа вѣдуны - волхвы были большею частію страшилищами. Не добрыми побужденіями, не любовью къ ближнему, не сознаниемъ потребности естествоиспытательнаго служенія народу, а чисто эгоистическимъ чувствомъ самообольщенія, шарлатанскимъ своекорыстіемъ, стремленіемъ къ умственной и матеріальной эксплуатаціи темной, суевѣрной массы—вотъ какими мотивами руководилось вѣдунство, волшебство, знахарство. Потому-то и мифологія самое происхожденіе волшебства приписываетъ злымъ, страшнымъ, зловреднымъ существамъ. Потому-же и народъ, сколько вѣрилъ въ волшебство вѣдуновъ и вѣдуній, столько-же и боялся ихъ вѣщаго ума, изъ злой вѣщей мысли, ихъ тайнаго сношенія съ нечистой, страшной темной силой, и боялся до такой степени, что самъ заговаривался и заклинался отъ вѣдуновъ и вѣдуній: завяжи, господи, колдуну и колдунѣ, вѣдуну и вѣдунѣ и упирцу на раба божія зла не мыслити: пойду я черезъ чистыя поля, черезъ быстрыя рѣки, черезъ зеленыя дубравы: не громъ гремитъ, ни молніей палитъ, — жжетъ и палитъ отбиваетъ всяку дьявольску притчу отъ раба божія, отбиваетъ раба божія отъ колдуна, отъ колдуньи, отъ вѣдуна, отъ вѣдуньи: завяжи, господи, колдуну и колдунѣ, вѣдуну и вѣдунѣ уста и языкъ — на раба Божія зла не мыслити!“ При такомъ мрачномъ демоническомъ характерѣ, очевидно, вѣдунство не могло внести въ первобытныя славянскія общины свѣта, просвѣтительныхъ лучей знанія, истины, правды,—не могло быть такой умственной силой ихъ, чтобы могущественно противодѣйствовать господству грубой физической силы и содѣйствовать правильному и самостоятельному, разумно-свободному саморазвитію общинъ. Оно не могло образовать интеллигенціи народа, руководящаго мыслящаго класса. Напротивъ, оно еще и само запугивало, застрашивало и слѣдовательно деморализировало и омрачало народъ. По-

слѣ всего этого понятно, почему, во первыхъ, грубая физическая сила была вполне господствующимъ факторомъ первоначальной закладки коренныхъ основъ общества, и почему, потомъ, вѣдунство и умственные силы народа оказались вполне бессильными, чтобы противодѣйствовать вмѣшательству и вліянію варяжскаго и византійскаго общественнаго строя.

Если нервно мозговая умственная сила, рѣзко выдававшаяся въ вѣдунахъ и вѣдуньяхъ, возбуждала всеобщій страхъ, — то особенно выдававшаяся физическая, мускульная сила человѣка, безъ сомнѣнія, еще болѣе должна была внушать страхъ и трепеть. И дѣйствительно, первобытное проявленіе человѣческой природы ничѣмъ такъ типично не характеризуется, какъ полнѣйшимъ господствомъ грубой физической силы. Мускульная сила естественно преобладала надъ силой головного мозга, несравненно болѣе дѣйствовала, чѣмъ сила умственная, и потому сама своими „необычными“, ужасными проявленіями возбуждала „ужасъ въ разумахъ“. Вслѣдствіе этого могучей мышечной силѣ со страхомъ и трепетомъ поклонялись, въ образѣ апотеозы „мертвой богатырской головы“. „Самый сильнѣйшій и страшнѣйшій богатырь-силачъ, — гласить народный эпосъ, — со страхомъ и трепетомъ ударялъ о сыру землю и говорилъ: о государыня богатырская голова! Не дай напрасной смерти, дай животъ! И отъѣхавши, сильнѣйшій богатырь самъ себя подумалъ: доселѣ язъ царства устрасалъ, богатырей побивалъ, а нынѣ язъ со слезами богатырской головы поклонился. Тогда богатырская голова крикнула громкимъ голосомъ, и богатырь узналъ свою вину, воротился, слѣзъ съ добра коня, палъ на сыру землю, и говорилъ: Государыня богатырская голова! виноватъ я передъ тобою, что посмѣлъ сказать таково слово! И богатырская голова его простила въ томъ словѣ, что дерзнулъ съ млада ума, и научила его, какъ силой орудовать, какъ силу побивать, по какимъ членамъ ударять и бить страшнаго врага“¹⁾. Страшная сила богатырей или необыкновенныхъ силачей — храбрыхъ воиновъ до того устрасала народъ, что онъ со страхомъ и трепетомъ умоливали ихъ особыми жертвенными поминками. Слѣды такого первобытнаго умоливанія страшныхъ силачей сохранились въ народныхъ преданіяхъ и до

¹⁾ Памяти II, 335.

селѣ. Такъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ псковской губерніи, на могилу неизвѣстнаго богатыря мимоидущіе крестьяне бросаютъ вѣтви деревьевъ, сѣно или траву. Въ вологодской губерніи, съ незапамятныхъ временъ сохранилось обыкновеніе, чтобы каждый проходящій мимо могилы храбраго „Аники-воина“ сръзываетъ прутья съ дерева и бросалъ на его могилу, приговаривая: Аника, Аника— вотъ тебѣ вика ¹⁾). Невольное, трепетное чувство страха предъ необыкновенно-выдающеюся силой человѣческой, въ связи съ смутнымъ, ужасающимъ чувствомъ всеобщаго владычества и гнета всемогущей физической силы, силы природы, породило вѣру въ грознаго бога силы, у котораго просили силы физической, мускульной, силы убійственной, какъ сверхъестественнаго дара божеской силы. Вслѣдствіе этой вѣры въ бога силы, употребленіе физической мускульной силы на „битвенное дѣло“ и даже на убійство считалось дѣломъ угоднымъ богу силы, дѣломъ покровительствуемымъ божествомъ силы. Богатырь молился: „боже, боже, дай мнѣ, господи, всякаго человѣка убить копьемъ, тупымъ концомъ“ ²⁾). Вообще, необыкновенная физическая сила, вызывавшая трепетное поклоненіе себѣ, возбуждала всеобщій паническій страхъ и трепеть. Въ доисторическомъ богатырскомъ эпосѣ народномъ называется: „Говоритъ богатырская голова: язь былъ человѣкъ, да и богатыри многіе, князи восточные и западные не только меня боялись: но и имени моего *страшились*“ ³⁾). Вслѣдствіе такого всеустрашающаго впечатлѣнія, физическая, мускульная сила, возбуждавшая страхъ, была первобытнымъ идеаломъ человѣческаго совершенства, идеаломъ стремленій юношества. Такъ-какъ въ тѣ времена господства родовой розни, когда „вставалъ родъ на родъ“, обыкновенно каждый споръ, всякая ссора рѣшались грубой физической силой, битвой въ полѣ, то, естественно, всякій желалъ быть страшнымъ своей силой, всякій желалъ возбуждать страхъ въ битвѣ въ полѣ. А какъ тайна страшной силы заключалась въ таинственныхъ силахъ природы, то и выпытывали ея секретъ у природы разными вѣдунскими, волшебными обрядами. Еще въ лечебникахъ XVII вѣка передавался такой изстаринный знахар-

¹⁾ Русскій Архивъ, М. 1866 г., годъ 2-й (1864) стр. 70—77; легенды о храбрости Аникѣ воиновъ.

²⁾ Памятн. II, 328.

³⁾ Памятн. II, 334.

скій завѣтъ для тѣхъ, кто хотѣлъ-бы быть *страшенъ въ битвѣ въ полѣ* ¹⁾). Съ одной стороны существовало полнѣйшее, всеустрашающее преобладаніе грубой мускульной силы и господствоваль законъ сильнѣйшаго, съ другой—полнѣйшее, рабское чувство трепета и покорности передъ этой силой и отсюда—порабощеніе слабѣйшаго. Самый первоначальный, примитивный періодъ человѣческой дѣятельности, когда чувство страха физической, мускульной силы господствовало въ борьбѣ за существованіе, можно назвать по-преимуществу періодомъ спеціального упражненія грубой мускульной силы, періодомъ героическаго, богатырскаго подвига— „битвеннаго дѣла въ полѣ“ и звѣроловческаго, хищническаго и разбойническаго разгула дикой физической силы. Это, можно сказать, былъ періодъ первоначальнаго рефлексивнаго заучиванья разнообразныхъ актовъ и координацій всѣхъ животныхъ мышцъ, періодъ спеціального упражненія мускуловъ и наслажденія мышечною силою, дѣятельностью мускуловъ. Мышечное чувство невольно, рефлексивно стремилось выразиться въ разнообразномъ проявленіи мускульной силы. Когда богатырь-силачъ, „сынъ богатырскій“, унаслѣдовавшій физическую силу отъ отца и дѣда-богатыря, былъ „роденъ ростомъ, а тѣло его что сильная гора, а голова его что сильная бугра, промежь плечъ двѣ сажени, руки въ три сажени“ и проч.,—тогда естественно, „богатырское сердце было не утерпчиво“. Онъ невольно, рефлексивно, влѣдствіе одного мышечнаго ощущенія избытка силы, рвался „получить свое желанье—размахнуться своею силою, на битвенномъ дѣлѣ отвѣдать своихъ плечъ богатырскихъ, потѣшиться своею великою борзостью, прытостью, поперетися съ силою могучею, побить рать-силу великую, въ чистомъ полѣ такъ сильно зрявнуть, крикнуть, возгаркнуть своимъ зычнымъ богатырскимъ голосомъ, чтобъ всѣ полки турскіе отъ того голоса возмутились“ ²⁾).

Издаlechа, чиста поля
Выскакаль тутъ, выбѣгаль
Суровець богатырь, суздалецъ,
Богатаго гостя, заморскинь сынъ.
Онъ бѣгаетъ, скачетъ по чисту полю,
Спрашиваетъ себѣ сопровитника,

¹⁾ Буслаева, II, 44.

²⁾ Пам. II, 311—321, 333, 334.

Себѣ сильна, могучаго богатыря:
 Побиться, подраться, порататься,
 Силы богатырски проотвѣдати,
 А могучи плечи приоправити ¹⁾.

Вслѣдствіе такого энергическаго ощущенія могучей силы и не-
 удержимаго, рефлексивнаго стремленія ея къ размашистой дѣя-
 тельности,—всякое животное ощущеніе, напр. чувство голода или
 потребности пищи, чувство непріязни къ врагу, чувство жадности
 къ похищенію чужого имущества, ощущеніе половой похоти,—
 словомъ, всякое органическое ощущеніе, какъ только возбужда-
 лось въ головномъ мозгу, тотчасъ-же невольнo, рефлексивно отра-
 жалось въ соотвѣтственной мышечной дѣятельности. И это непре-
 одолимое побужденіе къ употребленію мышечной силы было тѣмъ
 сильнѣе, чѣмъ болѣе дѣятельность механизмовъ, усиливающихъ
 рефлексъ головного мозга, преобладала надъ дѣятельностью ме-
 ханизмовъ, задерживающихъ эти рефлексъ. И вотъ, вслѣдствіе
 этого-то невольнаго, рефлексивнаго выраженія въ мышечной дѣя-
 тельности всякаго животнаго ощущенія, произошло, далѣе, перво-
 бытное господство „хищнической, разбойнической и битвенной“
 силы, наводившей всеобщій панической страхъ и трепеть. И реф-
 лективно-мышечная звѣроловческая, хищническая, разбойническая
 и битвенная дѣятельность, естественно, преобладала и представля-
 ла первую непосредственно-натуральную форму труда. Такъ напр.
 „живя въ лѣсу звѣринскимъ образомъ, якоже всякій звѣрь,“
 ощущалъ нашъ первобытный предокъ-дикарь потребность добычи
 звѣрины, и звѣроловческой трудъ былъ первымъ самымъ обыч-
 нымъ актомъ и способомъ полезнаго употребленія мышечной силы.
 Точно также, при видѣ чужой добычи или чужого имущества,
 обыкновенно тотчасъ-же возбуждалось эгоистическое чувство за-
 висти или корысти,—и тотчасъ-же, путемъ рефлекса на мышцы
 рубъ, выражалось насильственнымъ похищеніемъ или отнятіемъ
 чужого имущества. И хищническая сила лихихъ сильныхъ людей,
 „татей и разбойниковъ,“ долго потомъ, даже во времена уси-
 ленія страха царя, царской грозы и опалы, до того господствовала и
 наводила такой панической страхъ и трепеть на славяно-рус-
 скія общины, что воплями противъ ея страшнаго господства и

¹⁾ Древн. російск. стихотвор. стр. 388.

насилія наполнены были общинныя челобитныя, правыя грамоты, церковныя проповѣди и губныя грамоты общинъ. Или, чувствовалъ сильный молодецъ, при взглядѣ на красную дѣвицу, половую похоть, — тотчасъ же разъярялась въ немъ похоть богатырская и невольно рефлексивно проявлялась въ „умыканіи“ или похищеніи дѣвицы: по словамъ древней повѣсти, „лишь входилъ богатырь въ бѣлыя шатеры полоненной дѣвицы, забылъ богу помолитися, сердце его разгоралось, юность его заиграла, — и онъ тотчасъ-же бралъ себѣ дѣвицу за руку и съ нею спать ложился на постели“¹⁾). Вслѣдствіе такого господства грубаго рефлексивнаго проявленія мышечной силы, понятно, какой страхъ наводила эта сила на всѣхъ малосильныхъ. Вообще, въ тѣ времена, когда люди, „живя въ лѣсу звѣринскимъ образомъ,“ ни о чемъ такъ не помышляли и не заботились, какъ объ обезпеченіи животной жизни, въ тѣ времена, естественно, господствовала страшная борьба за существованіе: всѣ другъ друга боялись и стремились пересилить. „Родъ вставалъ на родъ,“ — и сильнѣйшій родъ былъ страшенъ для слабѣйшаго. Сосѣднія племена и народы постоянно дѣлали хищническіе набѣги другъ на друга, — и опять сильнѣйшіе наводили ужасъ на слабѣйшихъ. Каждый стремился не только отнять добычу у другого, но и убить его какъ врага, или поработить себѣ, — и сильнѣйшій всегда наводилъ страхъ и трепетъ на слабѣйшаго. Однимъ словомъ: то былъ періодъ полнѣйшаго господства страха грубой физической силы и закона сильнѣйшаго.

Въ эти-то мрачныя времена господства страха грубой физической силы человѣческой полагались первыя основы общества.

Во-первыхъ, во времена господства страха силы и права сильного, вмѣстѣ съ раздѣленіемъ людей на сильнѣйшихъ и слабѣйшихъ, или, по характеристическому выраженію нашихъ древнихъ памятниковъ, на „сильныхъ мужей“ и „маломощныхъ смердовъ-людиновъ,“ произошло первобытное раздѣленіе людей на рабочихъ и нерабочихъ, или, говоря языкомъ древнихъ памятниковъ, на „господствующихъ“ и „работающихъ,“ на „господиновъ“ и „работныхъ людей-рабовъ.“ Религіозно-языческій страхъ передъ „необычной“ физической, мускульной силой

¹⁾ Памят. II, 330.

„сильныхъ мужей“ невольно порождаетъ во всѣхъ „маломощныхъ людяхъ“ рабски-боязливую, трепетную покорность этой силѣ. Какъ сами „сильные мужи“—богатыри со страхомъ и трепетомъ преклонялись предъ „богатырской головой,“—такъ всѣ „маломощные люди“ съ рабскимъ страхомъ и трепетомъ преклонялись предъ этими „сильными мужами-богатырями“. По свидѣтельству одного древняго сказанія, сильному мужу, совершавшему чудеса могучей силы, „весь міръ поклонялся“. ¹⁾ И вотъ такимъ образомъ, люди, выдававшіеся своею необычайною мускульною силою, „сильные мужи,—богатыри, великаны, родные ростомъ,“ „большіе,“ „великіе“ силачи—вотъ эти люди первые устрашали своею силою и покоряли, порабощали себѣ людей малосильныхъ, „маломощныхъ,“ людей „меньшихъ“ или „малыхъ“ и „отроковъ“ или „малорослую чадь,“ а также калѣкъ переходящихъ, слѣпыхъ, увѣчныхъ, дряхлыхъ стариковъ и т. п. „Сильные мужи“—богатыри за тѣмъ собственно и рвались въ поле „на дѣло битвенное со всею прыткостью и великою борзостью,“ чтобы развѣдаться, „кто храбрѣе и сильнѣе.“ ²⁾ Коль скоро сильный мужъ ужасалъ, изумлялъ своею преобладающею силою человѣка менѣе сильного,—онъ тотчасъ пріобрѣталъ надъ нимъ господство, назывался его „государемъ“, „господиномъ“, а менѣе сильный человѣкъ назывался его „холопомъ.“

Могучая сила богатырей—„сильныхъ мужей“ громомъ гремѣла по полямъ, по лѣсамъ,—и сами разбойники-станишники, наводившіе ужасъ на первобытныя общины, со страхомъ и трепетомъ преклонялись предъ громомъ силы богатырской, покорялись сильнѣйшимъ мужамъ и поступали къ нимъ въ *холопство вѣчное*, по словамъ былины, давали рукописанье служить до вѣку ³⁾.

Появлялся въ первобытной общинѣ славянской, городской или сельской, необыкновенный, могучій силачъ,—онъ наводилъ ужасъ на всю общину, и она рабски покорялась ему, платила дани и оброки. Этотъ способъ порабощенія слабѣйшихъ людей сильнѣйшими старинная былина о Васильѣ Буслаевѣ изображаетъ такимъ сказаніемъ.

¹⁾ Памятн. II, 337.

²⁾ Памятн. II, 329.

³⁾ Древн. Россійск. стихотвор. стр. 418—420.

Собиралися, сходилися
Тридцать молодцовъ безъ единого
Онъ самъ Василій тридцатый сталъ:
Какой зайдетъ, убьютъ его,
Убьютъ его, за ворота выбросятъ.
Послышалъ Васинько Буслаевичъ—
У мужиковъ новгородскихъ
Канунъ варенъ, пива ячныхъ.
Пришелъ Василій со дружиною,
Пришелъ во братчину, Никольщину...
А и будетъ день ко вечеру,
Отъ малаго до стараго,
Начали ужъ ребята боротися,
А въ иномъ кругу въ кулаки биться;
Отъ тое борьбы отъ ребячія,
Отъ того бою отъ кулачнаго,
Началася драка великая...
Поскакали удалы добры молодцы,
Скоро они улицу очистили,
Прибили уже много до смерти,
Вдвое, втрое перековеркали,
Руки, ноги переломали,
Кричать, ревутъ мужики посадскіе!
Говорить тутъ Василій Буслаевичъ:
„Гой еси вы, мужики новгородскіе!
Бьюсь съ вами о великъ закладъ,
Напускаюсь я на весь Новгородъ
Витися, драться,
Со всею дружиною храброю:
Тако вы меня съ дружиною побьете, Новымъ
городомъ,
Буду вамъ платить дани, выходы по смерть свою,
На всякій годъ по три тысячи;
А буде-же я васъ побью,
И вы мнѣ покоритесь,
То вамъ платить мнѣ такову-же дань.
И въ томъ-то договорѣ руки они подписали,
Началась у нихъ драка—бой великая,—
А мужики новгородскіе,
И все купцы богатые,
Всѣ они вмѣстѣ сходилися,
На млада Васютку напускалися,—
И дерутся они день до вечера.

Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ
 Со своею дружиною храброю,
 Прибили они во Новѣгородѣ,
 Прибили они много до смерти...
 И тутъ мужики *покорилися*,
 Покорилися и помирился—
 Понесли они записи крѣпкія
 Къ матерой вдовѣ Амелфѣ Тимофеевнѣ,
 Къ матери Василья Буслаевича.
 Пришли ко двору дворянскому,
 Бьютъ челомъ, поклоняются:

„О сударыня матушка,
 Принимай ты дороги подарочки,
 А уйми свое чадо милое,
 Молода Василья со дружиною;
 А и ради мы платить
 На всякой годъ по три тысячи,
 На всякой годъ будемъ тебѣ носить:
 Съ хлѣбниковъ по хлѣбику,
 Съ калашниковъ по калачику,
 Съ молодлицъ повѣчное,
 Съ дѣвицъ повалешное,
 Со всѣхъ людей со ремесленныхъ“...
 Втапору мужики новгородскіе
 Приносили Василью подарочки
 Вдругъ сто тысячей,—
 И за тѣмъ у нихъ мирова пошла;
 А и мужики новгородскіе
Покорилися и сами поклонилися. ¹⁾

Такъ сильнѣйшіе поработали слабѣйшихъ. Далѣе, у старшихъ по лѣтамъ, обладавшихъ наиболѣе развитою силою, была естественная склонность заставлять служить себѣ, работать на себя и такимъ образомъ поработать себѣ младшихъ по лѣтамъ и менѣе сильныхъ людей. И только въ случаѣ спора преобладающая физическая сила рѣшала, кто изъ нихъ долженъ былъ быть господиномъ, кто рабомъ. Одно старинное эпическое сказаніе свидѣтельствуетъ объ этомъ такъ: „Старый богатырь князь Иванъ говоритъ молодшему богатырю; тебѣ вода черпати, да мнѣ подавати; ты дитя молодое. И говоритъ молодшій богатырь:

¹⁾ Древн. російск. стихотв. стр. 76—84.

князь Иванъ богатырь, тебѣ вода черпати, да и мнѣ подавать: не имавъ птицу не теребишь, а добра молодца не отвѣдавъ, да хулишь и хулу возлагаешь. И говоритъ князь Иванъ старшій богатырь: я во князяхъ князь, а въ боярахъ бояринъ, а ты казакъ: тебѣ вода черпати, да и подавать. И говоритъ ему молодшій богатырь: я въ чистѣ полѣ богатырь, и у царей во дворѣ богатырь, а ты когда у царей во дворѣ, и тогда ты князь, а когда ты въ чистѣ полѣ, и тогда ты песь, а не князь: тебѣ вода черпати, да и мнѣ подавать. Сказавши это, молодшій богатырь сталъ вызывать князя Ивана старшаго богатыря рѣшить битвой въ полѣ, кому господствовать, кому работать, кто князь, кто рабъ и слуга. Тогда старшій богатырь испугался, и самъ сталъ покорно служить молодшему богатырю ¹⁾. Такъ могли происходить изъ сильныхъ мужей князья и бояре, „господины, господа“ и пріобрѣтать себѣ слугъ, холоповъ, или дружину. И вообще, во времена родового быта славянъ, каждый старшій въ родѣ, каждый „великій, большой и сильный мужъ“ естественно стремился господствовать надъ всѣми „младшими, меньшими“ въ роду. И вотъ, такимъ образомъ, въ каждомъ родѣ-племени происходили изъ старшихъ или наибольшихъ въ родѣ князья родовые, племенные, которые, какъ родоначальники или старѣйшины, господствовали надъ всѣми младшими, меньшими и отроками своего рода-племени: по словамъ лѣтописи, „каждый владѣлъ родомъ своимъ“ ²⁾. Въ то-же время „сильные мужи“, какъ славянскіе, такъ и иноплеменные, стремились силой поработить себѣ родовыхъ князей со всѣмъ ихъ родомъ - племенемъ, или хановъ азіатскихъ кочевниковъ. Они нерѣдко стремились силой своей отнять владѣнье у того или другого князя или хана. Какъ страшная преобладающая сила признавалась естественнымъ источникомъ первобытной юридической санкціи достоинства, преимущества, права и власти, такъ, напротивъ, малосиліе или совершенное бесиліе признавались естественными, роковыми условіями униженія, рабства, безправія, ничтожества. Если сильный мужъ—богатырь пересиливалъ какого-

¹⁾ Памят. II, 328—329.

²⁾ П. С. Русск. Лѣтоп. I, 3, 24. Древлянскіе послы говорили Ольгѣ: наши князи добри суть, распасли Деревскую землю.

нибудь родового или иноплеменного князя и его дружину, да въ добавокъ, по звѣрски—жестокому обычаю тѣхъ временъ—ослѣвлялъ ихъ на томъ основаніи, что „нельзя слѣпу храбру быти“¹⁾, — то этотъ сильный мужъ, уже по одному праву сильного, становился княземъ, а поработенный и ослѣвленный князь даже уже оскорблялся, когда послѣ того еще его называли княземъ, а его слугъ-дружинниковъ богатырями. „Не смѣйся намъ,—говорилъ онъ сильному мужу-покорителю, — не зови меня княземъ, а мужей моихъ богатырями, я уже не князь, а тѣ не богатыри: уже у насъ и очи выали, и мы сѣдимъ и рукъ своихъ не видимъ“²⁾. Вообще, первоначально чисто физическая, мускульная сила была прямымъ источникомъ господства, власти, равно какъ рабства и подданства. Этой-же страшной, преобладающей силой физической основалось и на Руси варяжское „княженъе и володѣнъе“, варяго-русское государство. Хотя сначала варяжскіе князья, повидимому, добровольно призваны были сѣверными племенами, но потомъ они, пришедши и водворившись съ „роды своими“, силой покорили себѣ всѣхъ родовыхъ князей разныхъ славянскихъ племенъ, и, по праву сильного, стали „княжить и володѣть“ въ землѣ полянъ, древлянъ и другихъ славянскихъ племенъ. Страшная преобладающая сила ихъ, проявившаяся, на примѣръ, въ „примучиваніи“ угличей, древлянъ и т. д., наводила страхъ и ужасъ не только на славянскія племена, но и на грековъ. И говоритъ Тугаринъ Змбевичъ кіевскому князю Володиміру таково слово: „нѣтъ государь, тебя *прозвѣ* во всѣхъ царствахъ, а богатырей твоихъ нѣтъ удалѣе во всѣхъ земляхъ“³⁾. Сила создала, сила окружала, сила распространяла, сила охраняла и поддерживала юное русское государство. Великаго князя Владиміра окружали и ему службу служили „сильные могучіе богатыри“. Если прежде у родовыхъ князей бывало въ дружинѣ по 12 богатырей — сильныхъ мужей, то у князя Владиміра въ Кіевѣ, по былинѣ народной, было 32 богатыря, „да удалы добро необычно есть“⁴⁾.

1) Пам. II, 360.

2) Пам. II, 333.

3) Пам. II, 315.

4) Пам. II, 311. 313.

Въ одномъ древнемъ подлинникѣ записано: „у князя Владиміра кіевскаго были *сильніи мужіе*—богатыри: Янь Усмошвецъ, переславецъ, что печенѣжскаго богатыря убилъ, Рагзай удалый, что противъ 300 могъ выходить на бой, Александръ Поповичъ, и всѣхъ ихъ было 37 богатырей“¹⁾. Такимъ образомъ отовсюду, изъ разныхъ племенъ приходили къ кіевскимъ князьямъ на службу сильные мужи — изъ славянъ, изъ чуди, изъ торковъ, берендѣевъ, угровъ и особенно изъ варягъ и составляли „дружину князю“. И вотъ эта-то дружина сильныхъ мужей помогла покорить варяжскимъ князьямъ подъ крѣпкую руку и подъ дань всю массу „маломожныхъ смердовъ“, всю массу славянскихъ и чудскихъ родовъ или племенъ, и сама образовала служилый боярскій классъ, классъ „*лучшихъ, вѣщихъ мужей княжихъ*“, классъ „*сильныхъ мужей*“—бояръ. Такъ сначала около родовыхъ или племенныхъ князей, а потомъ, окончательно и въ наибольшей многочисленности, около наиболѣе грозныхъ и сильныхъ князей варяжскихъ, кіевскихъ, образовались два класса народонаселенія: классъ *господствующихъ сильныхъ мужей*, могучихъ и страшныхъ своею всепорабощающею силою, и классъ *работающихъ, подданныхъ меньшихъ и маломожныхъ людей* или *смердовъ*, состоявшій изъ всей массы славянскихъ и финскихъ племенъ, покоренныхъ подъ крѣпкую руку варяжскихъ князей, обложенныхъ данями, „повозами“, оброками, службой въ „вояхъ“, обязанныхъ „рубить города“ и проч. Первые образовали классъ нерабочихъ, господствующихъ людей, и потому назывались, по первоначальной гегемоніи силы, „*сильными*“²⁾, а по господству надъ маломожными людьми—„*господами*“, „*государями*“. Это послѣднее званіе или преимущество варяжскіе князья потомъ утвердили за сильными мужами. Въ „Русской Правдѣ“ они уже назывались „господинами“, „господами“, а также боярами или болярами. Покоривши, вмѣстѣ съ князьями, всю массу „маломожныхъ“, „меньшихъ“ людей, смердовъ, они, какъ и сами князья варяжскіе, набрали себѣ изъ этой массы „маломожныхъ людиновъ“, или смердовъ „полоняниковъ—рабовъ или холоповъ, *малыхъ чадъ* или дѣтей, *отроковъ*, вообще вся-

1) Буслаева II, 57.

2) П. С. Лѣт. II, 135.

кую „чадь или челядь“, и такимъ образомъ стали, какъ „сильные мужи“, по праву сильнаго, „господинами и государями“ множества „рабовъ, робынищцей, кабалныхъ холоповъ, работныхъ людей“. А вся остальная масса „маломожныхъ людей, смердовъ“, покорившись подъ крѣпкую руку и державу варяго-русскихъ князей и ихъ „сильныхъ мужей“, естественно, образовала классъ рабочій и называлась „меньшими, худыми, маломожными людьми, людьми, смердами“, и была потомъ мало-по-малу подраздѣлена на „черныхъ людей, рядовичей или рядовыхъ людей, наймитовъ, закуповъ, боярскихъ работныхъ людей, кабалныхъ холоповъ и т. п.¹⁾.

Во вторыхъ, во времена господства чувства страха таинственныхъ силъ природы внѣшней и человѣческой, — страхъ грубой физической силы „сильныхъ мужей — убійцъ, татей и разбойниковъ“, въ связи съ страхомъ таинственныхъ силъ внѣшней природы, побудилъ „маломожныхъ смердовъ“ къ основанію „вервей“, міровъ, общинъ, и въ то-же время былъ однимъ изъ самыхъ первыхъ естественныхъ мотивовъ къ распространенію общинной колонизаціи по сѣверовостоку Европы, колонизаціи такъ называемыхъ „черныхъ земель“ или „черныхъ дикихъ лѣсовъ“. Страхъ насилія «сильныхъ мужей», татей и разбойниковъ, страхъ постоянныхъ вражьихъ нападеній аваровъ, козаръ и другихъ варваровъ невольно заставлялъ славянъ искать убѣжища въ лѣсахъ и жить въ безпрестанномъ тревожномъ ожиданіи насилія, грабежа, разбоя, хищничества. „Отъ того у нихъ, — говоритъ Маврикій, — недоступны жилища въ лѣсахъ при рѣкахъ, болотахъ и озерахъ; въ домахъ своихъ они устраиваютъ многіе выходы на всякій опасный случай; необходимыя вещи скрываютъ подъ землю, не имѣя ничего лишняго наружи, но живя, какъ разбойники; вообще живутъ большею частию въ страхѣ“. Когда, такимъ образомъ, господствовалъ всеобщій, паническій страхъ преобладающей физической силы „сильныхъ мужей“, безпощадно

¹⁾ См. Вѣляева, истор. крестьянъ на Руси стр. 15—34. Въ грамотахъ Соловец. Библиот. XIV и XV в. упоминаются „боярскіе рабы“ и боярскіе работные люди“. Сбор. Солов. библиот. №№ 19 и 20. Не рабочій, господствующій классъ долго назывался сильными людьми (П. С. Л. II, 135.) Точно также масса простого, рабочаго народа еще въ XVII в. называлась „маломожными людьми“. (Сказан. Авраам. Палиц.)

порабощавшихъ, грабившихъ и убивавшихъ людей „маломожныхъ“, малосильныхъ, — тогда, естественно, всѣмъ этимъ маломожнымъ или малосильнымъ людямъ не оставалось никакого другого спасенія, никакого другого средства самосохраненія и самообезпеченія отъ насилія сильныхъ мужей, какъ только уходить въ черныя дикіе лѣса и тамъ собираться, соединяться въ общины и совокупными, общими силами бороться съ деспотической, порабощающей, хищнической и разбойнической силой „сильныхъ мужей“. И вотъ, въ эпоху разложенія родового быта и стественнаго взаимнаго отчужденія многихъ отдаленныхъ родовыхъ линій или поколѣній, въ эпоху страшной розни родовъ и умноженія „изгоевъ“, людей отчужденныхъ отъ рода-племени, когда, вообще, „вставалъ родъ на родъ,“ сильные мужи устрашали весь міръ, въ лѣсахъ умножились станишники и разбойники, когда всякій стремился быть страшнымъ въ битвѣ въ полѣ и шла всеобщая ожесточенная борьба за существованіе, — въ эти-то времена полнѣйшаго господства грубой физической силы и права сильнѣйшаго, созидались общины, міры. Страхъ убійственной, порабощающей, хищнической и разбойнической силы невольно заставлялъ всѣхъ разрознившихся „людей“ или „людиновъ,“ всѣхъ „маломожныхъ, малосильныхъ смердовъ“ заключать между собою согласіе, миръ и, такимъ образомъ, составлять общины, міры, или, по выраженію „Русской Правды,“ *„вкладываться въ виру, изъ дружины прикладываться къ вирь, къ людямъ, къ міру,“* съ тѣмъ, чтобы всею *„дружиною,“* всѣмъ *„вложившимся въ виру людямъ“* сообща, общими силами искать всякаго зловреднаго сильного человѣка — *убійцу или разбойника или татя* и выдавать его „всего съ женою и съ дѣтьми на потокъ и на разграбленіе ¹⁾“. Въ то-же время, „верви“ или общины, „поговоря межъ себя,“ всѣмъ міромъ обязывались сообща, совокупными силами охранять отъ хищничества и разбоя грубой физической силы сильныхъ людей свои общинныя естественно-промышленныя угоды — звѣриные ловы, борти, рыбныя ловли, пашни, межи на поляхъ, сѣти и т. п. ²⁾ Далѣе, страхъ господствующей физической силы — хищнической и разбойнической невольно заставлялъ общины, еще

¹⁾ Русская Правда, по изд. г. Калачева ст. LXXXVIII—XC. LXXXIX. LXXI.

²⁾ Тамъ же ст. CXXIX по синод. списку.

во времена племенного быта, покориться защитительной силѣ князей. При страшномъ господствѣ грубой физической силы, „маломожнымъ людямъ“, смердамъ не было спокойнаго, безопаснаго житья и въ общинахъ. Безпрестанно и повсюду причиняли имъ насилія тати и разбойники, грабили ихъ животы, разоряли ихъ промышленныя угодья, убивали „огнищаниновъ“ — домохозяевъ каждаго обложеннаго княжескою данью „очага“ или „дыма.“ Вслѣдствіе этого въ общинахъ господствовалъ такой страхъ татей и разбойниковъ — лѣсныхъ богатырей, что въ народѣ распространялись особыя мифическія сказанія о соловьяхъ-разбойникахъ, которыхъ могъ побивать только такой сильнѣйшій богатырь, какъ Илья Муромецъ и т. п. И эти-то страшныя силачи-разбойники, залегавшіе пути на огромныхъ пространствахъ, до того были вредны и непреодолимы для маломожныхъ смердовъ, что они никакъ не могли сами своею силою справиться съ ними, и, вотъ, поневолѣ должны были подчиниться охранительной силѣ князей. Кромѣ того, и въ каждомъ членѣ общины грубая физическая, мускульная сила еще до такой степени господствовала надъ дѣятельностью мозга, ума, что каждое животное чувство, каждая страсть обыкновенно тотчасъ-же неудержимо, рефлективно выражалась въ дѣятельности мускуловъ или физической силы. Лишь-только начиналась, на примѣръ, ссора на пиру, возбуждался въ комъ-нибудь гнѣвъ, — онъ тотчасъ-же звѣрски проявлялся въ дракѣ и убійствѣ, и т. под. Оттого часто случались убійства на сходахъ, на пирахъ, на игрищахъ между селами, и общины были безсильны сами собою искоренить это зло, когда чисто зоологическія, животныя страсти и наклонности еще, можно сказать, вполне преобладали, въ чисто зоологической — родовой и племенной организаціи общинъ, надъ страстями и наклонностями чисто антропологическими, человѣческими. И вотъ, по всѣмъ этимъ причинамъ, общины принуждены были съ самаго начала подчиниться охранительной опека и расправѣ варяжскихъ князей, которые и призваны были прямо для того, чтобы водворять нарядъ, миръ, согласіе между разрознившимися родами, производить судъ и расправу среди всеобщаго господства неправды — господства права сильнаго, искоренять татей, убійцъ и разбойниковъ. И князья тотчасъ-же вмѣшались въ борьбу общинъ съ хищническою, разбойническою и убійственною силою.

Составляя первый славяно-русскій законодательный памятникъ — „Русскую Правду,“ они внесли въ нее нѣсколько установленій, направленныхъ прямо къ обузданію господства грубой физической силы и къ охраненію общинъ отъ хищнической, разбойничьей и убійственной силы. Такъ въ „Русской Правдѣ“ утверждены были князьями или вмѣнены общинамъ въ обязанность такія мѣры расправы съ убійцами, татями и разбойниками: „оже будетъ кто убилъ въ свадѣ или пиру явлено, ему платити по вервинѣ (т. е. по окладу общины, міра); а иже убьютъ огнищанина въ разбой и убійцы не ищутъ, то вирное платити, въ ней же вири (верви) голова начнетъ метати,“ т. е. той общинѣ, гдѣ найдутъ убитаго. Точно также „Русская Правда“ предписывала общинамъ совокупными силами или всеѣмъ міромъ охранять отъ хищнической и разбойнической силы свои общинныя угодья. „Аще будетъ разсѣчена земля, или на земли знаменіе есть, имъ же ловимо, или сѣтъ, то по верви (міромъ) искати въ собѣ татя; аще кто украдетъ борть или сѣтъ, или разломаетъ борть, или посѣчетъ древо на межи, то по верви (міромъ) искати татя въ собѣ“ и т. п. ¹⁾

Наконецъ, въ тѣ-же времена господства страха грубой физической силы, получили начало и многія другія историко-традиціонныя основы общества, какъ, напримѣръ, принципъ раздѣленія людей на богатыхъ и бѣдныхъ, или, по выраженію древнихъ памятниковъ, на „*сильныхъ имъніемъ*“ и „*немошныхъ имъніемъ*“, животно-эгоистическія начала нравственности, основанной на правѣ сильного, или законѣ сильнѣйшаго и на страхѣ таинственныхъ силъ природы внѣшней и человѣческой, и характеризующейся господствомъ кровной мести, кулачнаго права, убійствъ, дракъ, грабежей, разбоевъ, дикаго животнаго проявленія половой страсти и т. д.

И вотъ, — въ эти-то мрачныя времена, когда сильный поработалъ слабого, произошло и первобытное поработеніе женщины.

А. Щановъ.

(Продолженіе будетъ.)

¹⁾ Русская Правда ст. LXXI, LXXXIX и CXXIX. Лешкова, Русск. народъ и государство, стр. 164.

* * *

(Подражаніе Гейне.)

На дворѣ шумѣла буря,
Дождикъ ливня лиль...
Въ сельскомъ домигѣ любовно
Мужъ съ женою жилъ.

Смохла буря... и вотъ снова
Просвѣтлѣлъ весь край—
Только въ домигѣ укромномъ
Адъ теперь, не рай.

Мужъ ослѣпъ... Жена сбѣжала...
Плачетъ ихъ дитя...
Лишь по прежнему спокойны
Небо и поля!

Сушковъ.

ВЛІЯНІЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МІРОСОЗЕРЦАНІЯ НА
СОЦІАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ЖЕНЩИНЫ ВЪ РОССІИ.

II.

По дремучимъ лѣсамъ древянскимъ, по горамъ полянъ кіев-
скихъ развѣжалъ сильный, могучій богатырь, „молодой Дунай
сынъ Ивановичъ, и думалъ онъ думу крѣпкую“: ка-бы мнѣ бы-
ла сопротивница красна-дѣвица:

Какъ-бы та была дѣвица станомъ статна,
Станомъ-бы статна и умомъ свершна,
Ея бѣлое лицо какъ-бы бѣлой снѣгъ,
И ягодицы какъ-бы маковъ цвѣтъ,
А и черныя брови какъ соболи,
А и ясныя очи какъ-бы у сокола.

Съ такой думой „навѣжалъ сильный, могучій богатырь на свѣ-
жій, бродучій слѣдъ“, на днѣпровскихъ лугахъ, недалеко отъ
города Кіева,—и вотъ:

Стоить на лугахъ тутъ бѣлъ шатеръ,
Во томъ шатру опочивъ держитъ красна дѣвица...
Молодой Дунай онъ догадливъ былъ,
Вымалъ изъ налучна тугой лукъ,
Изъ колчана вынулъ калену стрѣлу,
А и вытянулъ лукъ за ухо—калену стрѣлу,
Котора стрѣла семи четвертей,
Хлеснетъ онъ Дунай по сыру дубу.
Взвыла, спѣла тетивка у туга лука,
А дрогнетъ матушка сыра земля
Отъ того удару богатырскаго,—

Угодила стрѣла въ сырѣ крековистый дубъ,
 Изломала его въ черенья ножевые.
 Бросилася дѣвица изъ бѣла шатра, будто угорѣлая,
 А и молодой Дунай онъ догадливъ былъ,
 Скочилъ онъ, Дунай, со добра коня,
 Воткнетъ копьё во сыру землю,
 Привязалъ онъ коня за остро копьё,—
 И гораздъ онъ со дѣвицею дратися.
 Ударилъ онъ дѣвицу по щекѣ,
 А пнулъ онъ дѣвицу подѣ...
 Женской полѣ отъ того пухомъ живеть,
 Спибъ онъ дѣвицу съ рѣзвыхъ ногъ,
 Онъ выдернулъ чингалище булатное,
 А и хочеть взрѣзать груди бѣлыя:—
 Втапоры дѣвица взмолилася:

„Гой еси ты, удалой доброй молодець!

Не коли ты меня дѣвицу до смерти,
 Я у батюшки, сударя, отпрошалася:
 Кто меня побьетъ во чистомъ полѣ,
 За того мнѣ дѣвицѣ замужь идти“.
 А и туто Дунай сынъ Ивацовичъ
 Тому ея слову обрадовался,
 Думаетъ себѣ разумомъ своимъ:
 Служилъ я, Дунай, во семи ордахъ,
 А не могъ себѣ выжить красныя дѣвицы,
 Нонѣ я наполь во чистомъ полѣ
 Обручницу, сопротивницу.
 Тутъ они обручались,
 Кругъ ракитова куста вѣнчались ¹⁾.

Вотъ одинъ изъ древнѣйшихъ эпическихъ образовъ первобытнаго порабощенія женщины. Въ самомъ дѣлѣ, было, по всей вѣроятности, время, когда „сильные мужи“—богатыри часто изъза того только и бились съ разными племенами и ихъ князьями, чтобы похитить себѣ или тому князю, которому служили, невѣсту, прекрасную дѣвицу. Силой своей они наводили панической страхъ и ужасъ на всѣхъ, у кого были прекрасныя дочери. И эти „красныя дѣвицы—дочери отеческія“, если сами равномѣрно не упражняли своихъ физическихъ силъ ни въ „битвенныхъ дѣлахъ въ полѣ“, ни въ звѣроловческихъ промыслахъ,

¹⁾ Древн. російск. стих.—Кирши Данилова, стр. 94—96.

а сидѣли въ своихъ шатрахъ только за ручнымъ дѣломъ,—то невольно и сразу, со страхомъ и трепетомъ покорялись силѣ наѣзжихъ „сильныхъ мужей“, предъ которыми не могъ устоять никакой звѣрь, никаковъ человекъ, ни даже богатырь менѣе сильный. Эпосъ народный такъ, напимѣръ, повѣствуетъ объ этомъ первоначальномъ покореніи женщинъ преобладающей силѣ мужчинъ: „Говорить богатырь, необычно-сильный мужъ, своему брату, тоже богатырю: брате князь Иванъ русскій богатырь! Ъхаль я въ чистое поле, и наѣхаль—двѣ рати побитыя лежать: и кто ихъ побиваль? И говоритъ князь Иванъ русскій богатырь: та рать сила побитая Федула царя-змія и побиваль язь, а доступаль у него язь прекрасныя царевны Кондуріи Федуловны, и хочу ее за себя взять, а сказываютъ, что ея краше на свѣтѣ нѣтъ,—и въ завтрѣ у меня будетъ остальной бой. И по утру, вставъ рано, князь Иванъ богатырь осѣдлалъ своего добраго коня и поѣхаль въ чистое поле, а братъ богатырь поѣхаль смотрѣть на его битву. И какъ пріѣдетъ на князя Ивана русскаго богатыря Федула царя-змія конныхъ и вооруженныхъ отроковъ 30,000 по морю и по берегу,—и не ясенъ соколъ напускается на гуси и на лебеди, напускается тутъ Иванъ русскій богатырь на рать-силу Федула царя-змія, и побилъ, и присѣкъ, и конемъ притопталъ 20,000 и самого Федула царя убилъ, а которые остались—все люди малыя и старыя, и некому противъ Ивана русскаго богатыря вытти. И тутъ взялъ князь Иванъ русскій богатырь прекрасную царевну Кондурію Федуловну, и привелъ ее въ бѣлыя шатеръ... и легъ опочивать съ нею... И говоритъ Иванъ князь русскій богатырь: милая моя, прекрасная царевна Кондурія Федуловна! Для тебя язь съ отцомъ твоимъ великую брань сотворилъ, и отца твоего убилъ, а силы прибилъ и присѣкъ и конемъ притопталъ больше, а все для тебя: есть-ли тебя на свѣтѣ краше, а моего брата храбрѣя и сильнѣя? И говоритъ ему царевна Кондурія: „государь князь Иванъ русскій богатырь! Кровь отца моего и воинскихъ людей не по красотѣ моей пролита: и я, государь, что за красна! А есть, государь, въ чистомъ полѣ, въ бѣломъ шатрѣ, три дѣвицы царя Богрія, а по имени зовутъ ихъ—старшая Прондора, а средняя Мендора, а меньшая Легія, и которая, государь, передъ нимъ предстоящая послѣдняя, стоитъ день и ночь,—та въдеся-

теро меня краше; а изъ что за красна и хороша! Когда я была у отца своего и матери, тогда я была красна и хороша, а тепере я полоняничное тѣло: воленъ богъ да и ты со мною. А есть, государь, подъ индѣйскимъ царствомъ, служить у царя Далмата человекъ, а зовуть его Ивашкомъ—Бѣлая Епанча! а слышала изъ у отца своего,—уже онъ стережетъ въ чистомъ полѣ на дорогѣ 33 лѣта, а во царство мимо его никаковъ богатырь не проѣзживаль, ни птица не пролетывала; а изъ, государь, брата твоего храбрости не видала и не слышала, кой у нихъ храбрѣя и сильнѣя“. Богатырь, сильный мужъ, все то слушалъ, и его богатырское сердце неутерпчивое разгорѣлось. Входитъ онъ въ бѣлыя шатеръ, брату своему поклоняется и съ нимъ прощается: садится на свой добрый конь, и поѣхаль въ чистое поле гулять, по индѣйскому царству. И ѣдетъ богатырь мѣсяць, ѣдетъ другой и третій, а самъ себя подумаль: поѣхаль я въ дальнюю сторону, а не простился я съ отцомъ, съ матерью, и не видали они меня, какъ ѣждю на добромъ конѣ. И воротился онъ къ отцу, къ матери... Даетъ ему отецъ свой крѣпкой щитъ и копье свое долгомѣрное, и емлетъ богатырь щитъ подъ пазуху, а копье въ руку, и простился съ отцомъ своимъ и съ матерью, и поѣхаль въ чистое поле. Ъхаль полгодишное время, ажно наѣхаль въ чистѣ полѣ шатеръ, а въ бѣлѣ шатрѣ три дѣвицы сидятъ—Прондора, да Мендора, да Легія—царевы дочери, царя Богрія: таковыхъ прекрасныхъ на свѣтѣ нѣтъ, дѣлають ручное дѣло. И тутъ его сердце богатырское разгорѣлося, юность его заиграла, и беретъ себя большую сестру, прекрасную Прондору за руку, а тѣмъ сестрамъ велѣлъ изъ шатра выйти вонъ, а самъ съ нею легъ спать на постель, и говорить ей: милая моя, прекрасная царевна Богриевна! Есть-ли на семь свѣтѣ тебя краше, а меня храбрѣе? И говорить ему прекрасная царевна Прондора: „государь! что я за красна? Когда я была у отца своего и у матери, тогда я была и красна и хороша, а нонѣ я полоняничное тѣло. А есть, государь, подъ индѣйскимъ царствомъ храбрый человекъ, прозвище Бѣлая Епанча, и стоитъ въ чистомъ полѣ на дорогѣ: мимо его никакой человекъ не прохаживаль, ни звѣрь не прорыскиваль, ни птица не пролетывала, никакой богатырь не проѣзживаль. А ты что за храбрѣе? Обычная твоя „храбрость — что насъ дѣвокъ разогналъ“. И

сталъ сильный мужъ богатырь съ постели, взялъ острую саблю свою и отсѣкъ дѣвицѣ голову, да и подъ кровать бросилъ. И емлетъ себѣ на постелю вторую сестру Мендору, и говоритъ ей: милая моя, прекрасная Мендора Богрѣвна! Есть-ли на семь свѣтъ тебя краше, а меня храбрѣе? Дѣвица сказала ему тѣ-же рѣчи, что и сестра, и онъ также отсѣкъ ей голову и подъ кровать бросилъ. И емлетъ третью дѣвицу Легію къ себѣ на постелю и говоритъ ей: есть-ли на семь свѣтъ тебя краше, а меня храбрѣе? И говоритъ ему Легія дѣвица: „государь! язь что за красна и хороша? Нынѣ я полоняничное тѣло: которые ты у меня красоты захотѣлъ! А есть, государь, подъ индѣйскимъ царствомъ, у царя Далмата храброй и сильной человекѣ, а зовутъ его Ивашко, прозвище Бѣлая Епанча: мимо его никакой богатырь не проѣзживалъ, ни звѣрь не прорыскивалъ, ни птица не пролетывала; а я у васъ невѣдаю, кой храбрѣе и сильнѣе. А есть, государь, въ градѣ Дебрѣ, у царя Варфоломея царевна Настасія, и та вдесятеро меня краше“. И тутъ богатырь сталъ съ постели, и говоритъ дѣвицѣ таково слово: милая моя, прекрасная Легія! Живи ты въ чистѣ полѣ, „не бойся никого, а сестеръ своихъ схорони“. И самъ поѣхалъ въ чистое поле, ко индѣйскому царству. Ъдучи, помолился: „господи! дай мнѣ всякаго человекѣ убить коньемъ, тупымъ концомъ“! Заѣхалъ потомъ къ отцу, къ матери, взялъ у нихъ благословеніе жениться на прекрасной дѣвицѣ Настасіи, и отправился въ путь-дорогу, къ индѣйскому царству. Дорогой много сотворилъ онъ разныхъ чудесъ своею богатырскою силою, много побилъ богатырей, ратной силы и разныхъ страшныхъ чудовищъ. Наконецъ, доѣхалъ до царства индѣйскаго, и сразу побѣдилъ, покорилъ его царя. Вошелъ въ теремъ прекрасной царевны Настасіи, взялъ ее за руки и легъ съ нею опочивать, и учалъ себѣ любить ее, спрашивать: милая моя царевна Настасія Варфоломѣевна! Есть-ли на семь свѣтъ тебя краше, а меня храбрѣе? Что зговоритъ ему царевна Настасія: „Государь! Нѣтъ тебя храбрѣе: ты, государь, побилъ многихъ сильныхъ мужей, богатырей. А язь, государь, что за красна! Какъ есть, государь, въ дѣвичьѣ царствѣ, въ Солнышномъ градѣ, царевна Понарія, сама царствомъ владѣть: иная, государь, которая предъ нею, государь, стоитъ день и ночь, и та, государь, меня вдесятеро кра-

ше“. Опять разгорѣлось богатырское сердце неутерпчивое, тотчасъ-же онъ простился съ прекрасной дѣвицей Настасіей, и самъ поѣхалъ къ дѣвичью царству, къ Солнышному граду—видѣти прекрасную царевну Понарію. И ѣхалъ полгода времени, доѣхалъ до дѣвичья царства, до Солнышнаго града, вѣхалъ въ градъ, слѣзъ съ своего добра коня, и пошелъ къ царевнѣ въ палату. И узрѣла царевна такова воина, и учала ему бити челомъ: государь, храбрый, сильный мужъ! Владѣй ты моимъ царствомъ и людьми“. И богатырь, смотрячи на красоту ея, съ умомъ смѣшался, и забылъ свой первый бракъ, и взялъ ее за руку за правую, и цѣловалъ ее въ уста сахарныя, и прижималъ ее къ сердцу ретивому, и назвалъ ее женою, а она его мужемъ назвала“¹⁾).

Далѣе, по преданію былинъ народныхъ, „сильные мужи“—богатыри часто съ цѣлою дружиной отправлялись въ чужія—дальнія стороны силой доставать себѣ и дружинникамъ дѣвицъ и силой жениться на нихъ. Чародѣино-могучій богатырь „молодой Волхъ Всеславьевичъ говоритъ своей дружинѣ:

„Гой еси вы, дружина храбрая!
 Пойдемъ мы ко царству индѣйскому,
 Ходите по царству индѣйскому,
 Рубите стараго, малаго,
 Не оставьте въ царствѣ на сѣмена,
 Оставьте только вы по выбору,
 Не много не мало семь тысячей—
 Душечки красны дѣвицы.“
 А и ходитъ его дружина по царству индѣйскому,
 А и рубитъ стараго, малаго,
 А и только оставляетъ по выбору
 Душечки красны дѣвицы.
 А самъ онъ Волхъ во полаты пошелъ,
 Во тѣ во полаты царскія:
 Двери были у полатъ желѣзныя,
 Крюки, пробои по булату злачены.
 Говоритъ тутъ Волхъ Всеславьевичъ:
 „Хотя ноги изломить, а двери выставить!“
 Пнетъ ногой во двери желѣзныя,
 Изломалъ всѣ пробои булатные,—

¹⁾ Памят. стар. русск. литерат., II.

Онъ беретъ царя за бѣлы руки...
Ухвата его ударилъ о кирпичатой поль,
Разшибъ его въ крохи...
И тутъ Волхъ Всеславьевичъ
Взялъ царицу Азвяковну,
А и молоду Елену Александровну.
А и та его дружина храбрая
И на тѣхъ на дѣвицахъ переженилася.¹⁾

Наконецъ при насильственномъ, хищническомъ порабоженіи дѣвиць, часто случалось, что между самими похитителями являлись соперники. И тогда они силой, боемъ рѣшали, кому достаться похищенной дѣвиць. Въ этой битвѣ, по эпосу народному, иногда участвовали и сами дѣвицы, помогая тому, кому наиболѣе расположены были онѣ предаться въ руки.

Возговорить стольный кievскій Владиміръ князь:

Гой еси, богатырь Иванъ Годиновичъ!
Возьми ты у меня князя сто человекъ
Русскихъ могучихъ богатырей,
У княгини ты бери другое сто,
У себя Иванъ третье сто.
Поѣзжай ты о добромъ дѣлѣ—о сватаньѣ,
Честью не дасть, ты и силой бери.“

Скоро молодцы тѣ собираются
А скоря того поѣздку чинять,
Поѣхали къ городу Чернигову...
И будетъ Иванъ во Черниговѣ,
А у Дмитрія гостя богатаго,
Скачетъ Иванъ среди двора,
Привязалъ коня къ дубову столбу,—
Походилъ онъ во гридню свѣтлую,
Къ Дмитрію гостю богатому...
Дмитрію гостю не кланяется;
Походилъ за занавѣсу бѣлую
Онъ къ душкѣ Настасьѣ Дмитревнѣ...
Молодой Иванушка Годиновичъ
Онъ изъ-за занавѣсу бѣлаго
Душку Настасью Дмитревну
Взялъ за руку за бѣлую,
Потащилъ онъ Настасью вонъ на дворъ,
Вытащилъ ее среди двора,

¹⁾ Древнее російск. стих., 52—53.

Посадилъ на добра коня,
И самъ метался въ сѣделечко черкеское.
Некому бѣжать во Кіевъ градъ
За молодымъ Иванушкомъ Гоудиновичемъ.
Переѣхаль онъ, Иванъ, девяносто верстъ,
Поставилъ онъ, Иванъ, тутъ свой бѣлы шатеръ,
Развернулъ ковры Сорочинскіе,
Послалъ потнички бумажныя —
Изволилъ онъ, Иванъ, съ Настасьєю опочивъ держать,

Едва успѣлъ сильный русскій богатырь похитить такимъ образомъ дѣвицу, — какъ тотчасъ-же явился ему соперникъ, соискатель той-же дѣвицы, представляемый въ былинѣ въ образѣ „царя Афромей Афромѣевича.“

А и тутъ царь Афромей Афромѣевич
Закричалъ, заревѣлъ зычнымъ голосомъ:
„Гой еси, Иванушка Гоудиновичъ?
А и ты суженое пересуживаешь,
Ряженое переряживаешь:
Почто увезъ ты Настасью Дмитревну?“
А скоро Иванъ выходитъ изъ бѣла шатра,
Говорилъ тутъ Иванушка Гоудиновичъ:
„Гой еси, царь Афромей Афромѣевич!
Станемъ мы съ тобою бороться,
А большинѣ что кому наша Настасья достанется.“
И схватилися они тутъ бороться, —
Согнетъ Иванъ царя корчагою,
Опустилъ его о сыру землю, —
Царь Афромей Афромѣевич
Лежитъ на земли, свѣту не видитъ.
Когда молодой Иванъ за кустикъ ушолъ
Царь Афромей тутъ едва пропищалъ:
„Думай ты, Настасья, не продумайся!
За мною быть — царицею слыть.
За Иваномъ быть — холопкой слыть,
А избы мести, заходы скрести.“
Приходитъ Иванъ ко бѣлу шатру,
Напустился съ нимъ опять бороться —
Схватилися они руками бороться.
Тутъ душка Настасья Дмитревна
Изымала Ивана Гоудиновича за ноги,
Тутъ его двое и осилили...

159

И связали Ивана руки бѣлыя,
Привязали его къ сыру дѣбу.

Но тутъ вдругъ наѣхала храбрѣя дружина добраго молодца
Ивана Годиновича, тотчасъ выручила его изъ путь, а царя Аф-
ромея взяла въ полонъ и отвезла въ Кіевъ. Дѣвица такимъ об-
разомъ опять досталась сильному мужу Ивану Годиновичу. Силой
взявъ, поработилъ онъ ее себѣ, и звѣрской силой сталъ тотчасъ
же учить ее, какъ мужъ жену. Озлобленный ея измѣной и сопро-
тивленьемъ, „сильный мужъ“ — богатырь какъ звѣрь разсвирѣ-
пѣлъ и на несчастной, силой похищенной и поработенной неволь-
ницѣ-женѣ излилъ всю звѣрскую жестокость своего „богатырска-
го сердца неутерпчиваго“ и грубой физической силы.

Остался онъ во бѣломъ шатрѣ,
Сталъ онъ, Иванъ, жену свою учить,
Онъ душку Настасью Дмитревну:
Онъ перво ученье—то руку отсѣкъ ей,
Самъ приговариваетъ:

„Эта мнѣ рука не надобна,
Трепала она рука Афромея царя“.
А второе ученье—ноги ей отсѣкъ:
„А и та-де нога мнѣ ненадобна
Оплеталася съ Афроеемъ царемъ“.

А третье ей ученье — губы ей обрѣзалъ и съ носомъ
прочь:

„А и эти губы мнѣ не надобны,
Цѣловали они царя невѣрнаго“.
Четверто ученье, голову ей отсѣкъ и съ языкомъ прочь:
«Эта голова мнѣ ненадобна
И этотъ языкъ мнѣ ненадобенъ,
Говорилъ со царемъ невѣрнымъ,
И здавался на его слова прелестныя ¹⁾».

Такъ эпосъ народный изображаетъ первобытное поработеніе
женщины. Одинъ страхъ могучей физической силы сильныхъ му-
жей сразу дѣлалъ ихъ рабынями мужчинъ. Но ужели-же рѣши-
тельно безъ всякой борьбы, безъ всякаго отбоя со стороны жен-
щины совершалось это первоначальное, самое грубое покореніе ея
силъ мужчины? Нѣтъ, этого, намъ кажется, нельзя сказать. Въ
этомъ-же эпосѣ народномъ сохранились слѣды того отдаленнаго,

¹⁾ Древнее російское стих., стр. 138—147.

переходнаго періода, когда, повидимому, совершалась первобытная половая борьба и женщина не-вдруг поддавалась и покорялась деспотической порабоощающей силѣ мужчины. Въ отдаленныя времена, когда, какъ увидимъ дальше, совершалось хищническое „умыканіе“ дѣвиць, послѣднія невольно должны были быть постоянно на сторожѣ и, когда можно, силой, боемъ отбиваться отъ недруговъ — хищниковъ мужчинъ. Постоянный страхъ деспотическаго преобладанія, мужской хищнической силы невольно, по инстинкту самосохраненія, долженъ былъ вызывать иныхъ, особенно сильныхъ женщинъ, на противоборство съ мужчинами изъ-за свободы или равноправности. Такимъ именно образомъ, вѣроятно, произошли первобытныя, эпическія женщины воительницы, „вѣщія дѣвы“, „лихія бабы вѣдьмы“ и т. п. Такъ Ставрова молодая жена богатырски воевала съ борцами Владиміровыми:

Первому борцу изъ плеча руку выдернетъ,
А другому борцу ногу выломить,
Она третьяго хватала поперегъ хребта,
Ушибла его среди двора.

Она сильнѣе, бойчѣе не только обыкновеннаго человѣка, но даже и могучаго богатыря. Не уступая „сильнымъ мужамъ“ богатырямъ, она и сама, по примѣру ихъ, набирала себѣ дружину силачей:

Втапоры кинулися ея удалы добры молодцы —
Подъ первой рогъ несутъ пять человѣкъ,
Подъ другой несутъ столько-же,
Колчанъ тащатъ каленыхъ стрѣлъ тридцать человѣкъ ¹⁾.

Если мужчина силой „умыкалъ“ дѣвицу у воды или на игрищахъ“ и силой бралъ ее за себя замужъ, то и „сопротивница красна-дѣвица“ не безъ борьбы, не безъ бою покорялась преобладающей силѣ мужчины. Она тому только „сильному мужу“ невольно покорялась, за того выходила замужъ, который своей преобладающей силой побивалъ ее въ чистомъ полѣ, завоевывалъ ее руку, обращалъ ее въ „тѣло полоняное“, плѣнялъ ее своею физическою силою, какъ идеаломъ совершенства. Напередъ она

¹ Древн. російск. стих., 129—130.

сама выходила въ чистое поле помѣряться своей силой съ тѣмъ мужчиной, который хотѣлъ плѣнить ее своею силою. Такъ дѣвица, побѣжденная Дунаемъ и потомъ ставшая его женой, говоритъ:

«Я у батюшки, сударя, отпросалася,
Кто меня побьетъ во чистомъ полѣ,
За того мнѣ дѣвицѣ замужъ идти ¹⁾».

Такъ сила была первой основой брака, замужества женщины. Дѣвица покорно сдавалась и выходила замужъ за того только мужчину, который пересиливалъ и побивалъ ее. Но проходили вѣка въ такой неравной борьбѣ за равноправность полового подбора, — и, наконецъ, естественно-преобладающая физическая сила мужчины, еще болѣе развивавшаяся въ постоянной звѣроловческой борьбѣ съ сильными звѣрями и въ богатырскихъ, „битвенныхъ“ подвигахъ въ чистомъ полѣ, и относительная физическая слабость женской организаціи, при господствѣ чувства страха всякой преобладающей силы, роковымъ образомъ рѣшили первобытную неравную борьбу мужчинъ и женщинъ постепеннымъ поработаніемъ женщины преобладающей физической силѣ мужчины. При этомъ, исключительно свойственныя природѣ женщины, такія естественныя фізіологическія условія, какъ продолжительный періодъ беременности, болѣзненный, обезсиляющій процессъ дѣторожденія, необходимость первоначальнаго кормленія дѣтей молокомъ матернимъ и, вслѣдствіе того, невольная, полная физическая зависимость женщины отъ мужчины, во время беременности, родовъ и кормленія ребенка грудью, всѣ эти естественныя причины невольно лишали женщину равносилія въ борьбѣ съ „сильными мужами“ и невольно ставили ее въ зависимость отъ мужчины, покоряли его opiekъ и власти. Затѣмъ, все болѣе и болѣе обнаруживавшійся перевѣсъ физической силы мужчины, при „умыканіи дѣвицъ“, невольно возбуждалъ въ слабыхъ женщинахъ страхъ передъ необузданнымъ, деспотическимъ проявленіемъ мужской силы, и этотъ страхъ невольно все болѣе и болѣе деморализировалъ ихъ и, наконецъ, доводилъ до полной рабской покорности силѣ мужчины. Но и при всемъ этомъ, женщина до послѣдней возмож-

¹⁾ Ibid, стр. 95.

ности боролась противъ гегемоніи мужчины. Вначалѣ, когда женщина-воительница почувствовала естественное малосиліе своей женской организаціи въ сравненіи съ наиболѣе развитою физическою, мускульною силой мужчинъ,—она стала стремиться пересиливать ихъ силой мозговой, силой ума, стала мудрить, хитрить передъ „сильными мужама“ знахарствомъ, перехитривать мужчинъ-враговъ или недруговъ вѣдунствомъ, вслѣдствіе того естественнопсихологическаго мотива, что слабый всегда хитритъ передъ сильнымъ. Въ этой фазѣ первобытной борьбы за свободу или равноправность, женщина возбуждала страхъ въ мужчинахъ, какъ хитрѣйшая, мудрѣйшая „вѣщая дѣва“, „лихая баба-вѣдунья“, „яга-баба — вѣдьма“, и если уже не физической силой, то своимъ хитрымъ вѣдунствомъ и чародѣйствомъ иногда пересиливала самыхъ сильныхъ мужчинъ-недруговъ. Этой силой чародѣйной хитрости и мудрости, женщины-вѣдьмы величались и передъ княгинями и боярынями. Напримѣръ, Марина, превратившая Добрыню въ „гниѣдого тура-золотые рога“, говорила о себѣ:

Гой еси въ, княгини, боярыни!
Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ,
А и нѣтъ меня *хитрѣя, мудрѣя*,
А и я де обернула девять молодцевъ,
Сильныхъ могучихъ богатырей, гниѣдыми турама ¹⁾».

Постоянный гнетущій страхъ преобладающей, деспотической силы мужчинъ невольно побуждалъ женщинъ научиться тайкомъ, хитро изводить мужчинъ-недруговъ зельемъ, или привораживать и отвораживать ихъ. Такъ произошли „лихія бабы-вѣдуньи“ и не менѣе мужчинъ-вѣдуновъ возбуждали страхъ въ суевѣрномъ обществѣ. Если своей физической силой дѣвица не могла утратить и покорить мужчину-недруга, то она страшна была для него своимъ зелейническимъ вѣдунствомъ.

И по тѣмъ по хоронимъ зеленымъ лугамъ,
Тутъ ходила-гулила душѣ красная дѣвица,
А копала она коренья, зелье лютое;

¹⁾ Ibid, стр. 86.

Она мыла тѣ кореньица въ синемъ морѣ,
А сушила кореньица въ муравленой печи,
Растирала тѣ коренья во серебряномъ кубцѣ,
Разводила тѣ кореньица меды сладкими,
Разсычала коренья бѣлымъ сахаромъ,—
И хотѣла извести своего недруга ¹⁾.

Наконецъ, если „сопротивницы красныя дѣвицы“ не могли, какъ дѣвы-воительницы, своей физической силой устоять противъ силы „сильныхъ мужей“,—то онѣ невольно очаровывали и плѣняли ихъ магической силой своей тѣлесной красоты. Передъ этой обаятельной, чарующей силой дѣвичьей красоты невольно, рефлективно преклонялись самые „сильные мужи“—богатыри могучіе, и съ трепетомъ видѣли въ ней таинственное, сверхъ-естественное чародѣянье, или волшебнo-обворожительную, вѣщую силу. Отсюда-то, вѣроятно, и произошло, какъ увидимъ дальше, религиозно-языческое поклоненіе „дѣвѣ, какъ богинѣ“. Отсюда-же, по всей вѣроятности, произошли и тѣ волшебныя народныя заговоры, въ которыхъ молодой мужчина, выходя на борьбу изъ-за дѣвицы, или на битву въ поле съ сильнымъ супостатомъ, взывалъ, молился „красной дѣвицѣ“, прося ея чародѣйной помощи. Вотъ, напримеръ, одинъ такой заговоръ: „Ѣду на гору высокую, далекую, по облакамъ, по водамъ, а на горѣ высокой стоитъ теремъ боярскій, а во теремѣ боярскомъ сидитъ зазноба—красна дѣвица. Ты дѣвица, зазноба молодецкая, иду за тебя во рать на супостатовъ моихъ, враговъ-злodeевъ. Вынь ты, дѣвица, отеческой мечъ-кладенецъ; достань ты, дѣвица, панцырь дѣдовской; отомкни ты, дѣвица, коня воронон... Мнѣ шлемъ богатырской будь вѣнцомъ обручальнымъ, мнѣ конь вороной будь удалымъ молодцомъ. Выди ты, дѣвица, во чисто поле, а во чистомъ полѣ стоитъ рать могучая, а въ рати оружіемъ нѣтъ смѣты. Закрой ты, дѣвица, меня своей фатой: отъ силы вражей, отъ стрѣлъ, отъ борца, отъ кулашнаго бойца, отъ ратоборца, отъ дерева русскаго и заморскаго: отъ дубу, отъ вязу, отъ клену, отъ ясени, отъ ели, отъ рябины, отъ полѣна длиннаго, полудлиннаго, четвертиннаго, отъ липы, жимолости, отъ ивы, отъ сосны... отъ сѣна, отъ со-

¹⁾ Древн. російск. стихотвор., стр. 303.

ломы, отъ костей, отъ желѣза, отъ улады, стали, мѣди красной, зеленой, отъ сѣребра, отъ золота, отъ птичьего пера, отъ невѣрныхъ людей — ногайскихъ, нѣмецкихъ, мордвы, татаръ, башкирцевъ, турчаниновъ, черемисовъ, вотяковъ... А буде я ворочусь по живу и по здорову, ино буду, красна дѣвица, тобою похвалиться, своею молодецкою поступью выказыватися. Твоя фата крѣпка, какъ камень горючъ Алатырь; моя молодецкая поступь сильна, какъ вода мельничная!"¹⁾ Наконецъ, если не передъ „красной дѣвицей“, то передъ „лихой бабой вѣдуньей“, вродѣ „злой вѣдьмы кievской“, часто со страхомъ и трепетомъ преклонялся самый сильный мужъ. Не могла женщина устоять противъ порабошающей силы „сильныхъ мужей Владиміровыхъ“, „богатырей ноугородскихъ, соратниковъ молодецкихъ“ — такъ за то страшно мстила имъ „лихая баба вѣдунья“, „злая вѣдьма кievская“, страшная „баба-яга“. „Злая вѣдьма кievская“ до того устрашала суевѣрныхъ „сильныхъ мужей богатырей“, что могла однимъ своимъ страшнымъ заповѣднымъ словомъ помѣшать имъ достать ту „сбрую богатырскую“, въ которой они такъ все-сильно порабошали женщину, похищали красныхъ дѣвиць. И только тогда, когда они съ трепетною покорностью преклонялись передъ ней, какъ передъ страшнымъ сверхъестественнымъ существомъ, — она помогала имъ своимъ вѣщимъ заповѣднымъ словомъ достать „сбрую богатырскую“. Поэтому-то „сильный мужъ“, ратный молодецъ такимъ заговоромъ взывалъ къ „злой вѣдьмѣ кievской“: „подъ моремъ подъ хвалынскимъ стоитъ мѣдной домъ, а въ томъ мѣдномъ домѣ закованъ змѣй огненный, а надъ змѣемъ огненнымъ лежитъ семицудовой ключъ отъ княжева терема, Володимирова, а во княжемъ теремѣ, Володимировомъ, сокрыта сбруя богатырская, богатырей ноугородскихъ, соратниковъ молодецкихъ... Во лѣсу стоячемъ, во сыромъ бору стоитъ избушка, ни шитая, ни крытая, а въ избушкѣ живетъ злая вѣдьма кievская. Пойду-ль во лѣсъ стоячей, во боръ дремучей, взойду-ль я въ избушку къ злой вѣдьмѣ, кievской. Ты, злая вѣдьма кievская! Вели своему ворону слетать подъ море Хвалынское, въ мѣдной домъ, заковать змѣя огненного, достать семицудовой

¹⁾ Сахарова, Сказанія русскаго народа о семейной жизни своихъ предковъ. Сиб. 1886, ч. 1, стр. 81.

ключь. Заупрямилась, закорачилась злая вѣдьма кievская, о своемъ воронѣ: не моею старости бродить до моря Окіана, до острова до Буяна, до чернаго ворона. Прикажи ты моимъ словомъ заповѣднымъ достать ворону тотъ семипудовой ключь. По ея заповѣдному слову, разбилъ воронъ мѣдной домъ, заклевалъ змѣя огненнаго, досталъ семипудовой ключь. Отпираю я тѣмъ ключемъ княжой теремъ, Володиміровъ, достаю сбрую богатырскую, богатырей ноугородскихъ, соратниковъ молодецкихъ. Во той сбруѣ не убьютъ меня ни стрѣлы, ни бойцы, ни борцы!“¹⁾

Но не смотря на то, что женщина, во времена господства чувства страха таинственныхъ силъ природы, устрашала мужчинъ-поработителей своею вѣщею, чародѣйною силою, все-таки „сильные мужи“ превозмогали ее своею физическою, мускульною силою. Страхъ передъ рѣзко-ощутительною грубой физической силой „сильныхъ мужей“, постоянно устрашавшихъ слабѣйшія полъ кровопролитиемъ, убійствами, увѣчьями, насиліями всякаго рода, пересиливалъ и суевѣрный страхъ передъ фантазмагорической, воображаемой чародѣйственной силою вѣщихъ дѣвъ и лихихъ бабъ-вѣдуній, сплошь и рядомъ оказывавшихся безсильными подъ кулакомъ сильныхъ мужей, которые притомъ и сами нерѣдко устрашали ихъ не только какъ богатыри, но и какъ страшные волхвы-вѣдуны. Вообще, если женщина только чарами перехитривала иногда мужчину, то мужчина всегда пересиливалъ ее матеріальною силою. Если Марина своею волшебною, чародѣйною хитростью заставила Добрыню жениться на себѣ, такъ за то Добрыня злѣйшимъ образомъ казнилъ ее своею звѣрскою силою, какъ самую безгласную, беспомощную, беззащитную рабу. Преобладающая сила мужчинъ продолжала поработеніе женщины безостановочно. Стремленіе сильныхъ мужей къ поработенію женщинъ, повидимому, особенно усилилось по переходѣ славянскихъ племенъ отъ чисто-зоологической формы кровосмѣсительныхъ и насильственныхъ браковъ къ антропологической формѣ браковъ неродственныхъ, договорныхъ. Безъ сомнѣнія, было время, когда у наиболѣе дикихъ славянскихъ родовъ, жившихъ, по словамъ лѣтописи, „въ лѣсу звѣринскимъ образомъ, якоже всякій звѣрь“, господствовала самая первобытная, такъ сказать, зоологическая

¹⁾ Сахарова, 84 — 85.

форма кровосмѣсительныхъ, единокровныхъ браковъ. Этотъ древнѣйшій типъ брака наиболѣе сохранялъ свои слѣды у древлянъ, сѣверянъ, радимичей и вятичей. У этихъ славянскихъ племенъ, по преданію лѣтописи, „не было стыдѣивъ и не было браковъ, а господствовало срамословье передъ отцами и матерями, передъ снохами и сестрами, свекровями и деверями“. Слѣдовательно, не было еще никакого стыда и отвращенія смѣшиваться браками или половымъ сожителествомъ въ самыхъ близкихъ степеняхъ родства, внутри рода. И дѣйствительно, если въ послѣдствіи князья Рюриковичи вступали въ бракъ въ своемъ родѣ, въ седьмой и даже шестой степени родства ¹⁾, и въ народѣ кровосмѣсительные, родственные браки долго до того были обычны, что церковь постоянно вошляла противъ нихъ, — то, разумѣется, у языческихъ славянъ, во времена родового быта, при господствѣ многоженства, браки въ ближайшихъ степеняхъ родства, въ своемъ единокровномъ родѣ, могли быть весьма обыкновенными. По преданію народной былины, въ древнѣйшія времена

Было беззаконство великое:

Братъ на брата съ боемъ ходилъ

Братъ сестру за себя ималъ ²⁾.

Уставъ о церковныхъ судахъ, приписываемый Ярославу великому, свидѣтельствуетъ, что и во времена распространенія христіанства на Руси въ народѣ еще сильно господствовали остатки древне-языческихъ кровосмѣсительныхъ браковъ, именно: браки въ близкомъ кровномъ родствѣ, грѣхъ братьевъ съ сестрами, свекровь со снохами, съ сестрами, съ мачихою, сожителество двухъ братьевъ съ одною женою и т. п. ³⁾. Наконецъ ничѣмъ другимъ нельзя объяснить такъ сильно укоренившейся въ нравахъ простого русскаго народа издревней привычки къ такъ-называемой „матерщинѣ“, къ самому безстыдному „матерному слову“ или „лаявлю“, какъ развѣ только тѣмъ, что было время, когда предки нашего народа — древляне, сѣверяне, радимичи, вятичи

¹⁾ Соловьева Исторія Россіи, т. III, примѣч. 29.

²⁾ Древн. рос. стихотвор., 388.

³⁾ См. еп. Макарія Истор. русс. церкви, т. I; Карамзина, Истор. госуд. росс. I; примѣч. Неволіна, о церковн. судѣ въ Россіи въ Ж. М. Н. Просв. 1847.

и проч. предавались безразборному кровосмѣшенію, каждый въ своемъ родѣ, и потому не имѣли никакого стыдѣнья, срамословили передъ отцами и матерями, передъ сестрами и снохами, передъ свекровьями и деверями. Такіе кровосмѣсительные, родственные браки, неизбѣжно обуславливавшіе отсутствіе „стыдѣнья“ и господство „срамословія“, особенно долго сохранялись внутри тѣхъ замкнутыхъ родовъ, которые жили отдѣльно, въ селахъ, въ дикихъ лѣсахъ. Роды эти до тѣхъ поръ не могли чувствовать отвращенія къ кровосмѣсительнымъ бракамъ, пока не испытали новыхъ чувствъ, какія естественно порождались вслѣдствіе похищенія дѣвицъ изъ чужихъ родовъ и брачнаго союза съ этими чужеродными дѣвицами. Браки въ чужихъ родахъ или семействахъ естественно должны были показаться имъ наиболѣе заманчивыми и привлекательными, вслѣдствіе новости впечатлѣній и ощущеній, сопряженныхъ съ этими чужеродными браками, вслѣдствіе наибольшей возбужденности, заманчивости и горячности полового влеченія къ чужероднымъ дѣвицамъ, внезапно и сильно поражавшимъ своею красотою или бойкостью на игрищахъ между селами или у воды, а также вслѣдствіе заманчивости самой отваги, какая требовалась для того, чтобы достать себѣ дѣвицу изъ чужого рода-племени. И вотъ, коль скоро славянскіе роды испытали наибольшую привлекательность браковъ неродственныхъ, чужеродныхъ, порождаемую новостью или другой причиной, они уже стали все болѣе и болѣе избѣгать кровосмѣсительныхъ, своеродныхъ браковъ и домогаться браковъ въ чужихъ семействахъ или родахъ. „Множество фактовъ доказываетъ, говоритъ Дарвинъ, что дѣти отъ родителей, неродственныхъ между собой, болѣе сильны и плодовиты, чѣмъ дѣти отъ близко родственныхъ между собою родителей. Вслѣдствіе этого, всякое легкое чувство, порождаемое новостью или другой причиной, которая-бы побуждала скорѣе къ бракамъ перваго рода; чѣмъ къ бракамъ втораго, было-бы непременно усилено естественнымъ подборомъ, и стало-бы, такимъ образомъ, инстинктивно, потому-что тѣ особы, которыя имѣли-бы врожденное предпочтеніе къ чужимъ семействамъ, стали-бы размножаться быстрѣе прочихъ. Повидимому, съ болѣею вѣроятностью можно думать, что именно этимъ путемъ развилось у грубыхъ дикарей бессознательное отвращеніе

отъ кровосмѣсительныхъ браковъ, нежели предположить, что чувство это явилось у нихъ вслѣдствіе разсужденія и наблюденія дурныхъ результатовъ подобныхъ браковъ ¹⁾“. Такимъ-же точно путемъ, безъ сомнѣнія, и у славянскихъ племенъ генеративно-наслѣдственно усиливавшееся инстинктивное чувство предпочтенія къ бракамъ въ чужихъ родахъ все болѣе и болѣе развивало отвращеніе отъ первобытныхъ кровосмѣсительныхъ браковъ и стремленіе къ бракамъ неродственнымъ, чужероднымъ. Это вновь-зародившееся чувство отвращенія къ родовому кровосмѣшенію отразилось и въ древнихъ народныхъ былинахъ. Напримѣръ, былина о богатырѣ Михайлѣ Казариновѣ рассказываетъ:

Скочилъ Казарянинъ съ добра коня,
Сохваталъ дѣвицу за бѣлы руки,
Повель дѣвицу во бѣль шатерьъ.
Какъ чуть ему съ дѣвицею грѣхъ творить,
А грѣхъ творить, съ нею блудъ блудить, —
Расплатится красная дѣвица:
«А не честь твоя молодецкая, богатырская,
Не спросилъ ты ни дядины, ни отчины,
Княженецкая дочь я, боярская,
Была я дочь гостинная
Изъ Волынца города, изъ Галичья,
Молода Марфа Петровична».
И за то слово Казаринъ спохватается:
«Гой еси, душа, красная дѣвица,
Молода Марфа Петровична!
А ты по роду мнѣ родна сестра»!
Посадилъ ень дѣвицу на добра коня,
На русскаго, богатырскаго,
Самъ онъ садился на татарскаго —
Какъ-бы двухъ коней въ поводу повель —
И поѣхалъ домой, къ городу Кіеву
Со своею сестрицею родимую ²⁾).

Когда, такимъ образомъ, зародилось чувство отвращенія отъ кровосмѣсительныхъ, родственныхъ браковъ, тогда, естественно,

¹⁾ Ч. Дарвина, «Прирученныя животныя и воздѣланныя растенія». Спб. 1863 года, т. II, стр. 133.

²⁾ Древн. рос. стих., 210—211.

наступилъ фазисъ господства древне-славянскаго обычая — „умы-
 канія“, похищенія дѣвицъ изъ чужихъ родовъ. И вотъ, обычай
 этотъ особенно господствовалъ на переходѣ славянскихъ племень
 отъ чисто зоологической формы кровосмѣсительныхъ браковъ къ
 антропологическому типу браковъ договорныхъ. Въ особенной силѣ
 онъ былъ передъ началомъ распространенія христіанства, и опять
 дольше всего сохранялся у тѣхъ-же, наиболѣе отсталыхъ и ди-
 кихъ славянскихъ племень, каковы были древляне, сѣверяне,
 радимичи и вятичи, которые, такимъ образомъ, посредствомъ
 „умыканія“ дѣвицъ изъ чужихъ родовъ, постепенно отвыкали
 отъ свое-родовыхъ, кровосмѣсительныхъ браковъ и подготовля-
 лись къ усвоенію дальнѣйшей формы брака — договорной, „сватов-
 ской“. „Древляне, говоритъ лѣтописецъ, — жили въ лѣсу, звѣ-
 ринскимъ образомъ, не имѣли стыдѣнья передъ снохами и се-
 страми, матерями и отцами, свекровьями и деверьями, и брака у
 нихъ не было, а было похищеніе дѣвицъ; радимичи, вятичи и
 сѣверяне имѣли одинакій обычай: жили въ лѣсу, какъ всякій
 звѣрь, было срамословье у нихъ передъ отцами и передъ спо-
 хами, браковъ у нихъ не было (т. е. съ христіанской точки
 зрѣнія), но были игрища между селами: сходились на игрища,
 на плясанье, и тутъ умыкали себѣ женъ, съ какой дѣвицей кто
 соглашался: имѣли-же по двѣ и по три жены ¹⁾“. Переяславскій
 лѣтописецъ передаетъ это свидѣтельство Нестора въ болѣе ра-
 спространенной формѣ: „діаволу угрожаючи, и срамословье и не-
 стыдѣнное возлюбиша передъ отцами и передъ снохами и мате-
 рями, а браци не возлюбиша, но игрища межѣ сель, и ту слѣ-
 гахуся, рищуце на плясанія, и отъ плясанія познаваху — кото-
 рая жена или дѣвица до младыхъ похотѣніе имать, и отъ очнаго
 воззрѣнія, и отъ обнаженія мышць, и отъ показанія переть
 ручныхъ, и отъ даралаганія (надѣванья) перетней на персты чю-
 жал, тажъ потомъ цѣлованія съ лобзаніемъ, и, плоти съ серд-
 цемъ разжегшися, слагахуся, иныхъ дѣвицъ поймающе, а дру-
 гихъ, поругавше, метаху на посмѣяніе до смерти ²⁾“. Такимъ
 образомъ, цѣлая масса восточныхъ славянскихъ племень, во вре-

¹⁾ П. С. Р. Л. 1, 6.

²⁾ Переясл. лѣтоп., стр. 3—4.

мена господства грубой физической силы, имѣла обычай силой похищать женщинъ изъ чужихъ родовъ, на религіозно-обрядовыхъ игрищахъ между селами. Долго господствовавшій обычай хищническаго, насильственнаго „умыканія дѣвиць“ представлялъ такимъ образомъ новый источникъ первобытнаго порабощенія женщины. Сначала въ этихъ похищеніяхъ дѣвиць, разумѣется, преобладала грубая физическая сила, со всеѣмъ ея дикимъ, буйнымъ разгуломъ. Вслѣдствіе этого, естественно, насильственное похищеніе дѣвиць сплошь и рядомъ должно было сопровождаться враждой между родами. По свидѣтельству лѣтописи, „родъ вставалъ на родъ“, и одною изъ причинъ этой родовой розни и борьбы, безъ сомнѣнія, было насильственное, хищническое „умыканіе дѣвиць“ однимъ родомъ у другого. О враждѣ древне-славянскихъ родовъ изъ-за насильственнаго похищенія дѣвиць свидѣтельствуется, между прочимъ, и одна старинная хороводная игра нашего простого народа, въ которой символически изображается древняя дѣйствительная борьба двухъ родовъ изъ-за похищенной дѣвицы. По символическому обряду этой игры, одна сторона, представляющая въ лицѣ „женскаго пола“ тотъ родъ, изъ котораго на игрищахъ между селами похищена дѣвица, враждебно выступаетъ противъ другой стороны, представляющей въ лицѣ „мужскаго пола“, родъ похитителей дѣвиць. При этомъ, „женскій полъ“, идя на встрѣчу „мужскому полу“ на игрищѣ поетъ:

Ужъ мы просо сѣяли, сѣяли!
Ой Дидь-Ладо сѣяли, сѣяли!

А „мужской полъ“, наступая на встрѣчу женскому, отвѣчаетъ:

Ужъ мы просо вытопчемъ, вытопчемъ!
Женщины: Гдѣ вамъ, дрянямъ, вытоптать, вытоптать!
Мужчины: Ужъ мы пустимъ сто коней, сто коней!
Жен. А мы коней переймемъ, переймемъ!
Муж. Гдѣ вамъ, дрянямъ, перенять, перенять!
Жен. У насъ шелковы уздицы, крѣпкія!
Муж. Ужъ мы коней выкупимъ, выкупимъ,
Жен. Гдѣ вамъ, дрянямъ, выкупить, выкупить!

Муж. Мы дадимъ сто рублей, сто рублей,

Жен. Намъ не надо сто рублей, тысячей,

Что вамъ, дрянямъ, надобно, надобно?

Муж. Намъ надобно дѣвицу, дѣвицу!

Затѣмъ мужчины поднимая руки, начинаютъ ловить дѣвицъ, а женщины стараются вырваться и пробѣгаютъ между рукъ парней. Похитивши дѣвицу или нѣсколько, мужчины торжественно поютъ:

«Нашего полку прибыло, прибыло»!

А женщины жалобно вторять:

«А нашего полку убыло, убыло»!

Мужчины: «Наши-то играли да выиграли,

А ваши-то играли да проиграли»!

Женщины: «Ни тканью, ни пряжью проиграли ¹⁾».

Въ другихъ пѣсняхъ вражда родовъ изъ-за похищенныхъ дѣвицъ выражается въ образѣ борьбы славянскаго рода-племени съ Литвой, которая представляетъ враждебный родъ похитителей дѣвицъ. Наконецъ, если вражда между родами изъ-за похищенныхъ дѣвицъ кончалась войной и въ ней одерживалъ верхъ родъ, оскорбленный похищеніемъ, — то этотъ родъ требовалъ съ рода похитителя матеріальнаго удовлетворенія, вознагражденія за похищенную у него дѣвицу. На это требованіе указываетъ свадебный обрядъ, сохранившійся и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у простаго народа... Подлѣ невѣсты садится братъ или другой какой-нибудь родственникъ. Дружко спрашиваетъ его: зачѣмъ сидишь здѣсь?—Я берегу свою сестру.—Она уже не твоя, а наша, возражаетъ дружко.—А если она теперь ваша, заплатите мнѣ за нея прокормленіе: я одѣвалъ ее, кормилъ, поилъ ²⁾. Такъ произошло вѣно—мировая плата за похищенную дѣвицу ³⁾.

¹⁾ Записано въ Сибири, въ Разводинскомъ селеніи, въ 4-хъ верстахъ отъ Иркутска.

²⁾ Быть русскаго народа, соч. А. Терещенко. Ч. II, стр. 517—518.

³⁾ Вѣно—цѣна дѣвушки, платимая женихомъ роднымъ невѣсты. По свидѣтельству лѣтописи, Владиміръ (женись на Ангѣ) „вдасть за вѣно грекамъ Корсунъ царицы дѣль“; Казиміръ (женись на сестрѣ Ярослава) вдасть за вѣно людіе 800.“ Вѣно—отъ глагола *венити*—vendere, цѣнить, продавать по чемъ. Въ переводѣ правилъ Іоанна Схоластика замѣчено о вѣнѣ, какъ о цѣнѣ или куплѣ: „восхи-

Затѣмъ, проходили вѣка, — и отдѣльныя семьи славянскія все болѣе и болѣе размножались въ роды, а роды развѣтвлялись и размножались въ племена. Единоплеменные союзы родовъ, происшедшіе отъ одного или нѣсколькихъ родоначальниковъ, вродѣ Кія, Щека и Хорива, или Вятко, Радима и т. п., и долго жившіе въ смежныхъ селахъ, наконецъ, вслѣдствіе одного естественнаго размноженія и территоріальнаго расширенія, мало по малу сливались, соединялись вмѣстѣ, огораживали свои селенія общимъ „заборомъ“, въ видѣ остроговъ или укрѣпленій, и такимъ образомъ устраивали города, въ родѣ Кіева, Пересѣчена, Любеча, Коростеня, Смоленска и т. п. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ выходило, что въ городахъ этихъ жилъ уже не одинъ родъ, какъ въ небольшихъ, отдѣльно разбросанныхъ селахъ, а жило вмѣстѣ нѣсколько родовъ, которые, вслѣдствіе естественнаго расхожденія, отдаленія и отчужденія побочныхъ родовыхъ линій и колѣнъ, давно уже обособились, отчуждились другъ отъ друга, утратили или забыли и самую родоначальную, единокровную связь между собою, не помнили своего первоначальнаго сродства, вообще, считались чуждыми другъ другу родами. Естественно, что здѣсь, въ городахъ, при безпрестанномъ столкновеніи молодыхъ людей обоюго пола изъ разныхъ родовъ, было невозможно для послѣднихъ удерживать своихъ дѣвушекъ для себя, случались частыя похищенія дѣвицъ, которыя вели къ ежедневнымъ ссорамъ между сосѣдями. Напротивъ, старшинамъ родовъ, даже во взаимныхъ борьбахъ, часто могло быть выгодно скрѣплять свои отношенія къ другимъ родамъ взаимными брачными связями между ихъ и своими членами. Такимъ образомъ въ городахъ необходимо долженъ былъ произойти обычай сватовства, брачный обычай, по выраженію лѣтописца, браки должны были заключаться съ согласія родственниковъ невѣсты ¹⁾. Такъ произошло, по выраженію былинъ народныхъ, „доброе дѣло — сватанье“, и, вмѣсто

щеніемъ, ли нужно съ женами живущихъ и о дѣвствахъ и о рабыняхъ дающихся самѣмъ чрезъ *вѣно* владущихъ ими“. (Розенкампа, о кормчей книгѣ стр. III). Надобно замѣтить здѣсь еще, что какъ похищеніе дѣвицъ изъ чужихъ родовъ, такъ и вражда изъ за нихъ и потомъ плата за нихъ существуютъ и теперь у нѣкоторыхъ финскихъ, самоѣдскихъ и другихъ племенъ, сожительствующихъ съ славяно-русскимъ народомъ.

¹⁾ Соловьева, Исторія Россіи I, 62.

враждебнаго, хищническаго „умыканія дѣвиць“, получилъ начало дружелюбный, полюбовный, договорный бракъ. По свидѣтельству лѣтописи, договорный, сватовской бракъ существовалъ у наиболѣе кроткаго и мирнаго племени — полянь, жившихъ уже не въ „черномъ дикомъ лѣсу“, а въ разчищенномъ, разработанномъ полѣ, и имѣвшихъ своимъ средоточіемъ городъ Кіевъ. Здѣсь вѣно, означавшее прежде, при господствѣ похищенія дѣвиць, плату за похищенную невѣсту, перешло въ подарки отъ жениха роднымъ невѣсты, а впоследствии стало означать вообще брачныя условія, брачную запись ¹⁾. Когда возникъ, такимъ образомъ, брачный обычай и браки стали заключаться не иначе, какъ съ согласія родственниковъ невѣсты, посредствомъ сватовства, — тогда, естественно, молодымъ людямъ труднѣе стало похищать дѣвиць силой, не боясь нарушенія общепринятаго обычая — дружелюбнаго стовора и согласія. Они все болѣе и болѣе должны были напередъ склонять, располагать къ себѣ и стоваривать понравившихся имъ дѣвиць изъ чужого рода. И дѣвицы, въ свою очередь, охраняемыя родителями и общимъ, между-родовымъ брачнымъ обычаемъ сватовства, также стали имѣть нѣкоторую возможность иногда напередъ мирно, полюбовно совѣщаться съ молодцами, изъявлять согласіе на ихъ сватанье.

Но не всегда, однакожь, и сватовство рѣшалось мирно, полюбовно. Часто родители жениха или невѣсты упрямылись, не соглашались на „доброе дѣло — сватанье“, и тогда опять сила, а впоследствии, сверхъ того, и княжеская воля вынуждали противную сторону согласиться на сватовство и бракъ. Такъ былина о Гордеѣ Блудовичѣ характеристично обрисовываетъ старинныя родовыя ссоры по случаю сватовства.

Во стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласкова, осударь, князя Владиміра,
Было пированье, почестной пирь,
Было столованье, почестной столъ, —
Много было у князя Владиміра
И князей, и бояръ и княжецкихъ женъ,

¹⁾ Въ „Азбуковникахъ“ толкуется: „вѣнонаписаніе: егда кто обручить себѣ невѣсту и творить писаніемъ крѣпость промежь себя, и то писаніе нарѣчется вѣно“.

Пригодились тутъ на пиру двѣ честныя вдовы:
 Первая вдова Чесовая жена,
 А другая вдова Блудова жена,—
 Обѣ жены богатя,
 Богатя жены дворянскія.
 Промежу собой сидятъ, за прохладъ говорятъ.
 Что возговорить тутъ Блудова жена:
 „Гой еси ты, Авдотья, Чесовая жена!
 Есть у тебя девять сыновей,
 А девять сыновей, какъ ясныхъ соколовъ,
 И есть у тебя дочь возлюбленна
 Молода Авдотья Чесовична,
 Та вѣдь дѣвица какъ лебедь бѣлая,—
 А у меня у вдовы Блудовы жены
 Единъ есть сынъ Гордень, какъ ясень соколь,
 Многіе пожитки остались ему
 Отъ своего родимаго батюшки;
 Нонѣ за прохладъ, за чужимъ пиркомъ,
 Молвимъ словечко о добромъ дѣлѣ о сватаньѣ:
 Я хочу у тебя свататься
 За молода Гордена Блудовича
 Дочь твою возлюбленну Авдотью Чесовичну“.
 Втапору Авдотья Чесова жена осердилася,
 Была ее по щекѣ, таскала по полу кирпичету,
 И при всемъ народѣ, при бесѣдѣ, вдову опозорила,
 И весь народъ тому смѣялися.

Изобиженная, обезчещенная Авдотья Блудова жена скоро пошла ко двору своему, и жалобу принесла своему сыну Гордену Блудовичу:

Была я на честномъ пиру
 У великаго князя Владиміра,
 Сидѣли мы съ Авдотьей Чесовой женой,
 За прохладъ съ нею рѣчи говорили
 О добромъ дѣлѣ—о сватаньѣ:
 Сваталась я на ея на любимой на дочери
 Авдотѣ Чесовичнѣ
 За тебя сына, Гордена Блудовича,
 Тѣ ей мои рѣчи не взлюбилися,
 Была меня по щекѣ и таскала по полу кирпичетому,
 И при всемъ народѣ, на пиру обезчестила“.

Молодой Гордень укладъ спать свою матушку родимую, такъ-какъ „втапору она была пьяная“, а самъ пошелъ на дворъ къ

Чесовой женѣ, „сжималъ песку горсть цѣлю“ и, какъ сталъ противъ высокаго терема, гдѣ сидѣла молода Авдотья Чесовична, бросилъ ту горсть песку въ теремъ, полтерема сшибъ, виноградъ подавилъ“.

Втапоры Авдотья Чесовична
Бросилась точно бѣшенная изъ высокаго терема,
Среди двора она бѣжитъ, ничего не говорить;
Пропустя она Гордена, сына Блудовича,
Побѣжала къ своей родимой матушкѣ
Жаловаться на княженецкой пирѣ.

Ссора разгоралась шире и далѣе. Наконецъ, на улицѣ „училась драка великая“, и молодой Горденъ Блудовичъ, не получивши руки Авдотьи Чесовичны „добрымъ дѣломъ — сватаньемъ“, взялъ ее силой, побивши ея братьевъ — „вдовиныхъ ребятъ“:

Горденъ вертокъ былъ,
Того онъ ударилъ о землю,
И ушибъ его до смерти,
Другой подвернулся, и того ушибъ,—
Третій и четвертый кинулися къ нему,
И тѣхъ всѣхъ прибилъ до смерти.
Пошелъ онъ Горденъ къ Авдотѣ Чесовичнѣ,
Взялъ ее за бѣлы руки,
Обручился, обвѣнчался съ ней и домой пошелъ.

Но и послѣ того, какъ Горденъ силой взялъ за себя „молоду Авдотью Чесовичну, мать ея все-таки упрячилась, не хотѣла скрѣпить своимъ согласіемъ насильственный бракъ. Тогда Горденъ прибѣгъ къ силѣ княжескаго слова и окончательно порѣшилъ „доброе дѣло—сватанье“:

По утру Горденъ столъ собралъ,
Столъ собралъ и гостей позвалъ,
Позвалъ тутъ князя со княгинею
И молоду свою тещу Авдотью Чесовую жену,
Втапоры было честна вдова Чесовая жена
Загордилася, не хотѣла было итти
Въ домъ къ зятю своему.
Тутъ Владиміръ князь стольной кievской
И со княгинею стали ее уговаривати,
Чтобы она на то больше не кручинилася,
Не кручинилася и не гнѣвалася,—

И она тутъ ихъ послушала,
Пришла къ зятю на веселой пиръ,
Стали пити, ясти, прохлаждатися ¹⁾.

И самъ великій князь Владиміръ сначала добромъ сватался на Рогнѣдѣ, дочери Рогвольда полоцкаго, стоворенной за его брата Ярополка, но когда получилъ отказъ со стороны невѣсты, не хотѣвшей выйти замужъ за „рабочича“, сына рабы, то сильно разгнѣвался, тотчасъ-же собралъ большое войско изъ варяговъ, новгородцевъ, чуди и кривичей и, напавши на Полоцкъ, убилъ Рогвольда съ двумя сыновьями, а дочь его Рогнѣду силой взялъ за себя замужъ, и впоследствии порывался даже убить ее зато, что она не хотѣла выйти за него замужъ. И, по преданію былины народной, Владиміръ самъ приказывалъ, въ случаѣ нужды, замѣнять „доброе дѣло — сватанье“ силою, насильнымъ похищеніемъ дѣвицы:

Возговоритъ Володиміръ князь:
„Гой еси, Иванъ Годинович!
Возьми ты у меня князя сто человѣкъ
Русскихъ могучихъ богатырей,
У княгини ты бери другое сто,
У себя Иванъ третье сто:
Поѣзжай ты о добромъ дѣлѣ—о сватаньѣ,
Честью не дасть, ты и силою бери“.

Наконецъ, если не физическая сила удалаго молодца, такъ деспотическая сила родителей также сплошь и рядомъ дѣлала самое „доброе дѣло—сватанье“ насильственнымъ и обращала его въ новый источникъ порабощенія женщины. Не даромъ, старинныя русскія свадебныя пѣсни, особенно тѣ, которыя поются дѣвицами на „стоворѣ“ и на „дѣвичникахъ“, преисполнены вопіющихъ жалобъ со стороны невѣсть-дочерей противъ деспотической воли родителей. Такъ, напримѣръ, въ одной свадебной пѣснѣ невѣста—„дочь отецка“ съ воемъ причитаетъ:

Не сама я вылетаю,
Не своею я охотою:
Выдаетъ меня сударь, батюшка,
Снаряжаетъ родна матушка,
Къ чужому отцу, къ матери,

¹⁾ Древн. російск. стих. 178—154.

Къ чужому роду, племени,..
Скучно мнѣ дѣвушка сиротинушкѣ,
Безталанной, бѣдной головушкѣ!..
Теперь батюшка да какъ чужь чужанинъ,
Родная матушка хуже мачихи:
До зореньки красныя понаѣлися,
До свѣту божьяго понапилися —
Пропили меня дѣвушка, сиротинушку,
Пропили головушку безпріютную,
Не глядя на слезы, на жаленьице,
Забросили дѣтище въ нелюбиму сторону,
Да на горе, да на кручинушку
Да на плаканье, да на вѣчное...
Больно сердичку, и больнешенько...
Разступись ты мать, сыра земля!
Подымись, вскройся гробова доска!
Встань ты, братецъ мой, встань родименькой,
Приюти меня безпріютную,
Приголубь меня позабытую!
Роду, племени я чужой стала,
Отцу, матери я покидышемъ ¹⁾“.

Такимъ образомъ, и во времена господства брачнаго обычая — сватовства, полюбовнаго согласья и договора, — все-таки почти сплошь и рядомъ дѣвицъ порабощали игу брака силой. Мало того: даже самый первобытный обычай похищенія дѣвицъ долго удерживался въ простомъ народѣ. Бопланъ, жившій въ Украинѣ 17 лѣтъ, описываетъ кражу дѣвицъ, совершавшуюся въ его время, въ половинѣ XVII вѣка. Въ Украинѣ, во всякое воскресенье и всякій праздникъ, говоритъ Бопланъ, собираются послѣ обѣда къ корчмѣ казаки съ женами и дѣтьми. Мужчины и замужня женщины проводятъ время въ питьѣ, а юноши и дѣвушки забавляются на лугу пляскою, подъ дудку. Сюда приходитъ помѣщикъ съ своимъ семействомъ чтобы посмотреть на молодыхъ, иногда и самъ онъ съ своимъ семействомъ принимаетъ участие въ веселостяхъ. Тогда казаки, по старому между ними обыкновенію, похищаютъ дѣвицъ, даже дочерей помѣщика. Въ этомъ случаѣ необходимы ловкость и проворство. Похититель непременно долженъ ускользнуть съ своею добычею, и скрываться въ

¹⁾ Быть русскаго народа, Терещенко. Ч. II, стр. 124—209.

лѣсу не менѣе 24 часовъ. Этимъ только онъ спасается, иначе пропала его голова. Пойманнаго въ лѣсу, до истеченія сутокъ, лишали жизни. Если похищенная дѣвушка пожелаетъ выйти за него замужъ, то онъ обязанъ жениться на ней, въ противномъ случаѣ лишается головы. Если-же дѣвица не изъявитъ желанія выйти за него замужъ, то онъ свободенъ отъ смерти ¹⁾. О Стенькѣ Разинѣ сохранилось извѣстie, будто онъ на Дону велѣлъ вѣнчать мужчинъ съ похищенными дѣвицами около деревьевъ ²⁾. Нѣкоторыя секты раскола также до позднѣйшаго времени сохраняли обычай похищенія дѣвиць: между ними бракъ не считался дѣйствительнымъ, доколѣ женихъ не похитилъ дѣвицу съ ея согласія. Такой обычай былъ въ употребленіи еще недавно въ нѣкоторыхъ уѣздахъ витебской губерніи между раскольниками. Тамъ молодые парни и дѣвицы на масляницѣ собирались въ питейный домъ, на гулянье, называемое кирмамъ, плясать, пить и веселиться. Отцы и матери знали, къ чему клонилось веселье, потому-что оно было обрядное. Молодой парень, условившись съ дѣвицею, уходилъ съ нею съ кирмама и, посадивъ на сани, отправлялся въ лѣсъ къ завѣтному дубу, объѣзжая его три раза, и тѣмъ оканчивалось его вѣнчанье. Въ липецкомъ уѣздѣ находится огромное озеро, которое у раскольниковъ считается священнымъ: мужчины, похищая дѣвушекъ, объѣзжали озеро три раза, и бракъ былъ дѣйствителенъ. Наконецъ, обычай похищенія дѣвиць до позднѣйшаго времени соблюдался и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири, въ тобольской губерніи, и тоже между раскольниками ³⁾.

Какъ первобытные брачныя обычаи—кровосмѣсительныя, хищническія и договорныя браки, такъ и сопровождавшія ихъ религіозно-обрядовыя игрища или празднества имѣли свои послѣдовательныя видоизмѣненія и разнообразныя переходныя формы. Древнѣйшія изъ этихъ игрищъ, на которыхъ совершались еще кровосмѣсительныя или общинныя браки, отличались самымъ нецѣломудреннымъ, безстыднымъ, чисто животнымъ проявленіемъ половой похоти. Въ эти времена, вѣроятно, возникъ культъ въ честь Ярилы. Животворная теплота и разгорячающій жаръ яр-

¹⁾ Descripton d'Ukraine, p. 63.

²⁾ Ринельмана, исторія донск. войска, въ Чтен. моск. общ. истор.

³⁾ Терещенко, бытъ русск. народа 11, 28.

каго весенняго и лѣтняго солнца, во всей природѣ возбуждая жизнь и плодородье, въ то-же время, въ частности, съ наибольшею возбудительностью разжигали и плотскія половыя влеченія и желанія въ первобытной молодежи, жившей скотоподобною, животною жизнью, „якоже всякій звѣрь“, по выраженію лѣтописца. И вотъ, предки наши, почитая, въ религіозно-языческой апотеозѣ Ярилы, возбуждательную, теплотворную и плодотворную силу яркаго весенняго и лѣтняго солнца и, въ то-же время, непостижимую силу возбужденія половой любви, половыхъ страстей и похотѣній и полового оплодотворенія, — въ честь Ярилы посвящали свои весеннія и лѣтнія игрища или празднества, и на этихъ-то игрищахъ, совершая кровосмѣсительные браки, а потомъ и „умыканіе дѣвицъ“, предавались самому безстыдному, животному разгулу половой похоти. Въ религіозныхъ обрядахъ, сопровождавшихъ, на этихъ игрищахъ, первобытные кровосмѣсительные браки и долго потомъ сохранявшихся на языческихъ свадьбахъ, проглядываетъ, въ видоизмѣненной формѣ, древнѣйшій архаическій остатокъ того, можно сказать, чисто зоологическаго, животнаго полового отношенія мужчины къ женщинѣ, какое могло господствовать въ человѣческомъ родѣ только въ тѣ отдаленнѣйшія, первобытныя времена, когда человѣкъ только что начиналъ выдѣляться изъ общаго зоологическаго міра. Далѣе, когда, вмѣсто первобытныхъ кровосмѣсительныхъ браковъ, обычно стало „умыканіе дѣвицъ“ изъ чужихъ родовъ и затѣмъ сталъ входить въ обычай брачный обрядъ сватовства, соглашенія, договора, — самое чувство взаимнаго влеченія юноши и дѣвицы, чувство половой страсти, ведущей къ брачному союзу, также выражалось въ разныхъ религіозныхъ обрядахъ, на игрищахъ между селами, на празднествахъ религіозно-обрядовыхъ. Непонятная, непостижима была для первобытныхъ предковъ нашихъ эта таинственная, магическая сила полового влеченія, эта волшебно-обаятельная, обворожительная, чарующая сила дѣвицей красоты, невольно, рефлексивно увлекавшая къ умыканію дѣвицъ. Какъ древній грекъ, по словамъ Платона, когда въ первый разъ видѣлъ богамъ подобное лицо, изображающее красоту, сначала ощущалъ священный страхъ и трепеть, а потомъ невольно преклонялся передъ красотой, боготворилъ ее и готовъ былъ при-

носить ей жертвы ¹⁾),—такъ и первобытные предки наши сначала невольно ужасались, страшились таинственной, магически-чарующей красоты дѣвичей и ея непреодолимой, томительно-притягательной половой силы, предполагая въ нихъ какую-то невидимую силу демоническую, магически обворожительную, волшебную-чародѣйную. И вотъ, изъ этого-то страха или трепетнаго обаянія и очарованія, вѣроятно, и произошло первобытное поклоненіе „богинѣ-дѣвѣ“ и богинѣ любви и брака — „Лады“. По свидѣтельству слова Григорія Назіанзина, — и у нашихъ предковъ-славянъ была „богиня—си же дѣва“, и они, подобно многимъ другимъ языческимъ народамъ, „чтили богиню, сію же дѣву творили“ ²⁾. Въ антропоморфической апотеозѣ Лады предки наши чтили богиню любви и брачнаго союза. Какъ Фрея у нѣмцевъ, такъ Лада у славянъ почиталась покровительницею любви и браковъ, богинею юности, красоты и плодотворенія, всещедрою матерью. Страхъ за непредвидимую будущую судьбу брака, опасеніе чародѣйной порчи и будущаго несчастья брачной жизни побуждали языческихъ предковъ нашихъ умолять и умаливать богиню Ладу и бога Лада, чтобъ они уладили, устроили бракъ добрый, счастливый, Весной, въ пору наибольшаго возбужденія половыхъ желаній, Лада, дочь яркаго весенняго солнца, покровительница любви, мать чадородія, воспламеняла въ сердцахъ юношей и дѣвицъ „горячую любовь“ ³⁾. И вотъ молодые люди, пылая горячностью полового влеченія, „горя любовью горячею“, сходились съ наступленіемъ весны, на игру, извѣстную подь именемъ „горѣлокъ“, славили богиню любви и браковъ

1) Шевырева, теорія поэзіи въ историч. развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ. Истор. философіи, Льюсса, стр. 236.

2) Лѣтоп. стар. русск. литер. т. IV: слово противъ язычниковъ 4. Вѣроятно, видоизмѣненный остатокъ этого древне-языческаго поклоненія «дѣвѣ—богинѣ» сохранился или отпечатлѣлся въ послѣдствіи и въ религіозномъ поклоненіи секты «людей Божіихъ» дѣвицъ какъ богородицъ, а также и въ ученіи бѣгуновъ, утверждающемъ, что «дѣвка сотворена отъ Бога, а баба отъ діавола», что блудное общеніе съ дѣвицами есть «любовь Христова» и больше угодно Богу, чѣмъ церковно-брачное сожителство съ женою.

3) На эпическомъ языкѣ народныхъ пѣсень любовь называется *горячею*: «горяча любовь на свѣтѣ». Объ ней поется: «не огонь горитъ, не смола кипитъ, а *горитъ*—кипитъ ретиво сердце по красной дѣвицѣ». Любовь не пожаръ, выражается пословица, а *загорится*,—не потушишь. Въ переяславск. уѣздѣ говорятъ: «лучше семь разъ *горитъ* (т. е. влюбляться, томиться любовью), чѣмъ одинъ овдовѣть». Афонасьева, I, стр. 448.

Ладу, и тутъ происходило „умыканіе“ дѣвиць или полюбвное соглашеніе на бракъ. Закликавъ красную весну, обращались къ Ладѣ съ такимъ привѣтомъ:

Благослови мати,
Ой мати Лада, мати!
Весну закликати.

Сохранившаяся доселѣ весенняя игра „горѣлки“ представляетъ символическое изображеніе древнѣйшаго обычая похищенія дѣвиць, на игрищахъ въ честь Лады. Въ игрѣ этой, холостые парни и дѣвицы устанавливаются парами въ длинный рядъ, а одинъ изъ молодцовъ, которому по жребію достается „горѣть“, становится впереди всѣхъ и произноситъ: „горю, горю пень!“ — Чего ты горюшь? спрашиваетъ дѣвичій голосъ. — Красной дѣвицы хочу. — Какой? — Тебя молодой! При этихъ словахъ одна пара разбѣгается въ разныя стороны, стараясь снова сойтись другъ съ дружкой и схватиться руками; а который „горѣль“ — тотъ бросается ловить себѣ дѣвицу. Если ему удастся поймать себѣ дѣвуху прежде, чѣмъ она сойдется съ своею парюю, то они становятся въ рядъ, а оставшійся одинокимъ заступаетъ его мѣсто; если же не удастся поймать, то онъ продолжаетъ гоняться за другими парами, которыя послѣ тѣхъ-же вопросовъ и отвѣтовъ, бѣгаютъ по очереди. Погоня за дѣвицами, ловля, захватъ ихъ указываютъ на старинныя умычки женъ, а „горѣнье“ молодца означаетъ воспламененіе въ его сердцѣ богинею Ладюю любви къ красной дѣвицѣ ¹⁾. Какъ со стороны женскаго пола богиня Лада, такъ со-стороны мужскаго богъ Ладо почитался также покровителемъ половой любви и брака. По преданію, занесенному въ Синопсисъ, богу Ладу приносили жертвы „готовящіяся къ браку, помощію его мняще себѣ добро веселіе и любезно житіе стяжати, Ладу ноюще: Ладо, Ладо! и на брачныхъ веселіяхъ руками плещуще и о столѣ біюще воспѣвають“ ²⁾. То-же преданіе сообщаетъ и густынская лѣтопись: „Ладо — богъ женитьбы, веселія, утѣшенія и всякаго благополучія; сему жертвы приношаху хотяще женитися, дабы его помощію бракъ добрый и любовный былъ“ ³⁾.

¹⁾ Афонасьева, Поэтич. воззрѣнія славянъ на природу т. I, стр. 448—449.

²⁾ Афонасьева I, стр. 229.

³⁾ П. С. Р. лѣт. II, 257.

Поклоненіе Ладу и Ладѣ, вѣроятно, получило особенную силу уже во времена господства брачнаго обычая и сватовства, когда болѣе или менѣе понята была важность взаимной любви брачующихся и необходимость предварительнаго согласія на бракъ какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ родственниковъ. Въ это время, молодымъ людямъ уже не всегда можно было силой похитить дѣвицу, и каждый молодецъ все болѣе и болѣе начиналъ постигать по опыту, что „силой милымъ не быть“, что для того, чтобы ему приобрести руку очаровавшей его красной дѣвицы, той „дочери отеческой“, которая сидѣла въ высокомъ терему у отца-матери, надобно прежде всего, чтобы она знала про любовь молодца къ ней и сама горячо полюбила его, согласилась на бракъ съ нимъ. А дѣвица, съ своей стороны, томилась „горячею любовью“ къ другому молодцу, между тѣмъ какъ родители ея, въ свою очередь, мѣтили выдать ее за третьяго, казавшагося имъ наиболѣе выгоднымъ женихомъ. Такимъ образомъ, во времена укорененія брачнаго обычая сватовства, договора, молодые люди, естественно, впервые начинали чувствовать и познавать всю силу тоскливыхъ, томительныхъ ощущеній половой любви. Эта, впервые болѣе или менѣе сознательно возчувствованная тоска-нытье сердца любящаго, эта томительность неудовлетворенности половыхъ желаній и влеченій казалась имъ непостижимой тайной внутренняго, психическаго міра. И вотъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ древне-языческаго страха таинственныхъ силъ природы внѣшней и человѣческой, молодые люди со страхомъ представляли, въ своихъ томительныхъ, тоскливыхъ ощущеніяхъ половой любви гнетущее дѣйствіе особаго психическаго духа, невидимаго существа—„Тоски“. Со страхомъ и трепетомъ зывали они къ этой „тоскѣ“, какъ особенной демонической, сатанинской силѣ, которая, возбуждая тайныя желанія, безотчетную грусть и томленье, грызла, давила, сокрушала сердце юноши или дѣвицы, заставляла ихъ изнывать, сохнуть, таять. Съ трепетнымъ волненіемъ и возмущеніемъ чувства, умолялъ молодецъ „Тоску“ въ такомъ заговорѣ на любовь красной дѣвицы: „на морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ лежитъ доска, на той доскѣ лежитъ Тоска. Бьется Тоска, убивается Тоска, съ доски въ воду, изъ воды въ поломя, изъ поломя выбѣгалъ Сатанина, кричить: Павушка Романея, бѣги поскорѣе, дуй рабъ-такой-то-

въ губы и въ зубы, въ ея кости и пакости, въ ея тѣло бѣлое, въ ея сердце ретивое, въ ея печень черную, чтобы раба такая-то тосковала всякой часъ, по полуднямъ, по полуночамъ, вѣлабы не заѣла, пила-бы не запила, спала-бы не заспала, а все-бы тосковала, чтобы я ей былъ лучше чужова молодца, лучше родного отца, лучше родной матери, лучше роду-племени. Замыкаю свой заговоръ семьюдесятью семью замками, семьюдесятью цѣпями, бросаю ключи въ Окіанъ море, подъ бѣлъ горючъ камень Алатырь. Кто мудренѣе меня выщется, кто перетаскаетъ изъ моря весь песокъ, тотъ отгонитъ Тоску“¹⁾. Если любовь къ дѣвицѣ сильно томила, крушила сердце молодца, не давала ему покой, волновала его грудь бурей тяжолыхъ, безпокойныхъ думъ и тайныхъ, сдержанныхъ порываній,—то ему казалось, что цѣлые десятии мучительныхъ демоновъ или духовъ Тоски метались, кидались, носились по воздуху, обуревали его душу, грызли, давили его сердце. И вотъ, изъ взволнованной груди его невольно, рефлексивно вырывался страшный вопль накопившейся на сердцѣ тоски, и онъ съ трепетнымъ возмущеніемъ чувства заклиналъ легионы духовъ Тоски такимъ заговоромъ: „какъ на морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, есть бѣлъ-горючъ камень Алатырь, на томъ камнѣ устроена огненалимая баня, въ той банѣ лежитъ разжигаемая доска, на той доскѣ тридцать три тоски. Мечутся тоски, кидаются тоски, бросаются тоски... черезъ всѣ пути и дороги и перекутъя воздухомъ и ахромъ. Мечитесь тоски, киньтесь тоски въ красную дѣвицу; въ ея буйную голову, въ тылъ, въ ликъ, въ ясныя очи, въ сахарныя уста, въ ретивое сердце, въ ея умъ и разумъ, въ волю и хотѣніе, во все ея тѣло бѣлое, чтобы былъ ей добрый молодець милѣе свѣту бѣлаго, милѣе солнца пресвѣтлаго, милѣе луны прекрасныя... Вставайте вы, матушки, три тоски тоскучія, три рыды рыдучія, и берите свое огненное пламя, разжигайте красную дѣвицу, разжигайте ее во дни и въ ночи, и въ полуночи, при утренней зорѣ и при вечерней...“²⁾“ Вообще, страхъ таинственной силы природы внѣшней и человѣческой всецѣло проникалъ и самое чувство половой любви. Съ трепетомъ представляла любовь какъ

¹⁾ Сахарова 89.

²⁾ Сахарова 1, 27—28.

особую демоническую, сатанинскую силу, какъ грызущую, давящую „тоску“, — предки наши со страхомъ и трепетомъ вѣрили и въ „огонь и пламя“, и въ „вѣтеръ и вихрь“, и въ „быстрыя рѣки“, какъ въ могучія сверхъестественныя силы, имѣющія неотразимое вліяніе на психическую жизнь человѣка, навѣвающія, наносящія на душу его разныя тревожныя, мучительныя думы, тяжелыя, мрачныя, тоскливыя чувствованія, безпокойныя, томительныя желанія. „Весь внутренній міръ человѣка, — скажемъ словами г. Афанасьева, — представлялся имъ не свободнымъ проявленіемъ человѣческой воли, а независимымъ отъ нея, приходящимъ извнѣ дѣйствіемъ благосклонныхъ, или враждебныхъ боговъ. Всякое тревожное ощущеніе, всякая страсть принималась младенческимъ народомъ за нѣчто *наносное, напущенное*, какой взглядъ и до нынѣ удерживается въ массѣ неразвитаго простонародья: пьетъ-ли кто запоемъ, пристрастится-ли къ игрѣ, страдаетъ-ли душевной болѣзнию, — все это неспроста, во всемъ этомъ видятъ *очарованіе*. Чувство любви есть также *наносное*; тѣ-же буйныя вѣтры, которые прогоняютъ весною дождевыя облака, раздуваютъ пламя грозы и разсыпаютъ по землѣ сѣмена плодородія — приносятъ и любовь на своихъ крыльяхъ, навѣваютъ ее въ тѣло бѣлое, зажигаютъ въ ретивомъ сердцѣ. Кто влюбленъ, тотъ *очарованъ*“¹⁾. И вотъ, вслѣдствіе такого понятія о любви, какъ огнемъ разжигаемомъ и вѣтромъ наносимомъ чувствѣ, молодые люди съ трепетной тревогой души зывали къ Огню и Пламени, и особенно къ буйнымъ вѣтрамъ и вихрямъ, олицетворяя ихъ въ образѣ трехъ или семи братьевъ: „пойду я въ чистое поле, взмолюся тремъ Вѣтрамъ, тремъ братьямъ: Вѣтры, буйны Вихори! дуйте по всему бѣлому свѣту, распалите и разожгите и сведите рабыню (имя) со мною работою божіимъ душа съ душою, тѣло съ тѣломъ, плоть съ плотью, хоть съ хотью. Не уроните той моей *присухи* ни въ воду, ни на лѣсъ, ни на землю, ни на скотину; на воду сроните — вода высохнетъ, на лѣсъ сроните — лѣсъ повянетъ, на землю сроните — земля сгоритъ, на скотину сроните — скотина посохнетъ. Снесите и положите ее въ рабицу Божію, въ красную дѣвицу — въ бѣлое тѣло, въ ретивое сердце, въ хоть и плоть... Есть въ чи-

¹⁾ Афанасьева, „Поэтич. воззрѣнія славянъ на Природу“, I, 453.

стомъ полѣ — сидитъ баба-сводница, у бабы сводницы стоитъ печь кирпичная, въ той печи кирпичной стоитъ кунчанъ, въ томъ кунчанѣ всякая вещь кипитъ-перекипаетъ, горитъ-перегораетъ, сохнетъ и посыхаетъ: такъ-бы обо мнѣ рабѣ божіемъ рабца божія (имя) сердцемъ кипѣла, кровію горѣла и не могла-бы безъ меня ни жить, ни быть... Встану я и пойду въ чистое поле подѣ восточную сторону. *На встрѣчу мнѣ семь братьевъ семь вѣтровъ буйныхъ.* Откуда вы, семь братьевъ, семь Вѣтровъ буйныхъ идете? куда пошли? Пошли мы въ чистыя поля, въ широкія раздолья сушить травы скошенныя, лѣса порубленныя, земли вспаханныя. Подите вы, семь Вѣтровъ буйныхъ, соберите тоски тоскучія со вдовъ, сиротъ и маленькихъ ребятъ—со всего свѣта бѣлаго, понесите къ красной дѣвицѣ (имя) въ ретивое сердце; просѣйте булатнымъ топоромъ ея ретивое сердце, посадите въ нее тоску тоскучую, сухоту сухотучую, въ ея кровь горячую, въ печень, составы... чтобы красная дѣвица тосковала и горевала по такомъ-то рабѣ божіемъ,... въ гульбѣ-бы не загубивала, и во снѣ-бы не засыпывала, въ теплой парущѣ (банѣ) щолокомъ не смывала, вѣникомъ не спаривала... и казался-бы ей такой-то рабъ божій милѣе отца и матери, милѣе всего рода-племени, милѣе всего подѣ луной господней“¹⁾.

Наконецъ, что касается до положенія женщины, какъ жены, во времена господства похищенія дѣвицъ и, потомъ, брачнаго обычая, то само собою разумѣется, что уже и въ первобытныя, варварскія времена женщину должно было сильно тяготить иго хищническаго, насильственнаго брачнаго порабощенія. Но что она могла противопоставить грубой физической силѣ своихъ мужей-похитителей, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда на похищеніе ея соглашались и ея родные, когда дѣвицы „дочери отца“, стали товаромъ, выгоднымъ предметомъ родительской продажи? Горемычнымъ дѣвушкамъ, противъ воли, силой похищеннымъ, или силой отцомъ и матерью выданнымъ замужъ, оставалось только ревѣть, рыдать, взывать къ могиламъ и т. п. И вотъ, это-то чувство гнета физической силы мужчины, чувство неволи и рабства въ чужомъ родѣ-племени, въ рукахъ недруговъ—сильныхъ мужей-похитителей, горючими слезами изливалось

¹⁾ Афонясева, I, 451.

въ гробовыхъ, могильныхъ причитаньяхъ, какими исполнены старинныя русскія свадебныя пѣсни невѣсть и ихъ подругъ. Пѣсни эти сохранились до насъ, какъ живой, непрерывный отголосокъ и вѣковѣчный памятникъ тѣхъ страшныхъ чувствъ женщины, съ какими она порабощалась деспотическому, насильственному брачному игу „сильныхъ мужей“. Страхъ и трепетъ охватывалъ дѣвицу, когда вдругъ навзжали изъ чужого рода незваные недруги-сваты. Въ одной свадебной пѣснѣ, дочь-невѣста поражается ужасомъ, при въѣздѣ на дворъ сватовъ:

Матушка, на дворъ гости идутъ,
Сударыня, на дворъ гости идутъ!
Дитяtko, не бойся, не выдамъ;
Свѣтъ мое милое, не бойся, не выдамъ!
Матушка, на крылечко гости идутъ,
Сударыня, на крылечко гости идутъ!
Дитяtko, не бойся, не выдамъ!
Матушка, въ нову горницу идутъ!
Дитяtko, не бойся, не выдамъ!
Свѣтъ, мое милое, не бойся, не выдамъ!.. ¹⁾

Со страхомъ дѣвушка представляла роковой „печальный день“ разлуки съ своимъ родомъ-племенемъ, и горючими слезами оплакивала свою „волюшку“ и выходъ въ замужество. Тѣмъ тяжелѣе и страшнѣе было разставаться съ своимъ родомъ-племенемъ, что въ чужомъ родѣ-племенѣ напередъ, зловѣщимъ образомъ, угрожали дѣвицѣ всѣ ужасы замужняго и общественнаго рабскаго положенія. Въ одной свадебной пѣснѣ дѣвица-невѣста плачевно поетъ:

Мимо мой темный кутничекъ,
Пролетала лебедушка:
Она махнула правымъ крылышкомъ,
Она черкнула бѣлымъ перышкомъ:
Ты поплачь, поплачь, дѣвица,
Поплачь дочь отецкая!
На чужой-то на сторонѣ
Не повадно, не весело:
Веѣ не добры и не ласковы
До тебя молодешенька.
На чужой-то на сторонѣ

¹⁾ Терещенко, II, стр. 135.

Надо жить-то умѣючи,
Говорить разумѣючи,
Голову держать поклончиву,
Ретиво сердце покорчиво,
Молодому поклониться
Старому покориться!
Нѣ чужой-то на сторонѣ
Растутъ лѣса-то вилявые,
Да живутъ люди лукавые,
Продадутъ да и выкупятъ,
Проведутъ да и выведутъ
Они тебя молодешеньку! ¹⁾

И дѣйствительно, при полномъ господствѣ грубой физической силы и закона сильнѣйшаго, жизнь слабѣйшаго пола, разумѣется, искони была самая безотраднѣйшая. Мы видѣли, какъ былины народныя рассказываютъ преданія о первобытномъ, самомъ звѣрскомъ обращеніи мужей съ женами. Если, въ чрезвычайно-рѣдкихъ случаяхъ, семейное и общественное положеніе женщины нѣсколько возвышалось надъ обыкновеннымъ уровнемъ,—то это зависѣло, во-первыхъ, отъ религіозно-языческаго страха магической, чародѣйной силы въщихъ женщинъ, во-вторыхъ—отъ чисто-животныхъ мотивовъ любви половой, супружеской, родительской и сыновней, и, наконецъ, отъ случайнаго, невольнаго и чрезвычайно рѣдкаго чувства физического, умственнаго или нравственнаго преимущества женщины. „Преобладаніе матеріальной силы разумѣется, не могло условливать уваженія къ слабѣйшему полу; но при отсутствіи опредѣленій, женщина могла, пользуясь иногда своимъ преимуществомъ духовнымъ, а иногда даже и силою матеріальною, играть важную роль: мудрѣйшею изъ людей въ описываемый періодъ является женщина — Ольга, которая правитъ Русью во время малолѣтства Святослава, да и послѣ совершеннолѣтія. Женщины привлекаютъ мужей своихъ на битвы; пѣсни, содержаніе которыхъ относится къ временамъ Владиміра, упоминаютъ о женщинахъ чародѣйкахъ, Владиміръ совѣтуется съ своею женою Анною о церковномъ уставѣ; княгини имѣютъ свои волости, содержатъ свою дружину, спорятъ съ мужьями, кто наберетъ храбрѣйшихъ дружинниковъ; Рогвольдъ полоцкій отдаетъ на рѣ-

¹⁾ Терещенко II, 242.

шеніе дочери, за кого она хочетъ выдти замужъ; Предслава переписывается съ Ярославомъ о поступкахъ святополковыхъ¹⁾. Но за этими, можно сказать, случайными, единичными исключеніями, и то весьма слабо выказывающими чувство достоинства женщины, господствовавшія нравственно-юридическія понятія, вытекавшія изъ чувства страха матеріальной силы, основывавшіяся на законѣ или правѣ сильнѣйшаго, вообще, порождали совершенно иное, самое жалкое рабское положеніе женщины, какъ въ семьѣ, такъ и въ новорожденномъ обществѣ. Женщины, силой похищенныя изъ своего рода, постоянно подвергались въ чужомъ родѣ самому грубому „срамословью“ мужчинъ. Передъ ними не выказывалось никакого стыда, никакого „стыдѣнья“, по выраженію лѣтописи. Вслѣдствіе этого, естественно, и сами женщины, отстаивая свою личность отъ нахальства мужчинъ, по большей части теряли свою природную стыдливость и наравнѣ съ мужчинами предавались пьянству, дракамъ и безстыдному срамословію:

У великаго князя вечеринка была,
А сидѣли на пиру честныя вдовы...
Промежу собою разговоры говорятъ,
Все были рѣчи прохладныя:
Неотколь взялась тутъ Маршна Игнатьевна,
Она больно Марина упивалася,
Голова на плечахъ не держится,
Она больно Марина похвалялася...
За то-то слово изымается
Добрынина матушка родимал,
Честна вдова Афимья Александровна,
Наливала она чару зелена вина,
Подносила любимой своей кумушкѣ,
А сама она за чарою заплакала,
Что извела ея сына Марина Игнатьевна,
А нынѣ на пиру похваляется...
А и молода Анна Ивановна
Выпила чару зелена вина,
А Марину она по щекѣ ударила,
Сшибла она съ рѣзвыхъ ногъ,
А и топчетъ ее по бѣлымъ грудямъ,
Сама она Марину больно бранить:

¹⁾ Соловьева, истор. Росс. I, 270—271.

184

„А и сука ты... еретница!...
Я-де тебя хитрѣя и мудренѣя,
Сижу я на пиру, не хвастаю;
А и хошь-ли я тебя сукой оберну?
А станешь ты, сука, по городу ходить,
А станешь, ты Марина, много за собой псовъ водить?
А и женское дѣло прелестивое,
Прелестивое перепадчивое... 1).

Если мужъ, какъ звѣрь, „кусался“, то не диво, что и жена отгрызывается. Жена была только „хотью“, самкой мужа и рабой, долженствовавшей „разувать“ мужа, служить ему и работать на него. Когда „сильный мужъ“ не могъ силой покорить себѣ женщину, тогда покорялъ ее страхомъ. Вслѣдствіе этого, въ языческія времена, вся жизнь жены приносилась въ жертву мужу, такъ-что по какому-то суевѣрному страху, или по религіозному требованію закона сильнѣйшаго, жена должна была даже слѣдовать за мужемъ въ могилу: вдовъ сожигали на кострѣ какъ жертву, въ поминокъ души мужа, для того, чтобы облегчить его участь за гробомъ:

И какъ Потокъ живучи состарѣлся,
Состарѣлся и переставился,
Тогда его Потока похоронили,
А его молодую жену Авдотью Лиховидьевну
Съ нимъ же живую зарыли въ сыру землю;
И тутъ имъ стала быть память вѣчная 2)!

Наконецъ, подчиненность женщины, безправность ея личности утверждена была страхомъ княжеской власти, страхомъ перваго славяно-русскаго закона. По установленію „Русской правды“, незамужняя женщина не могла быть самостоятельной владѣлицею собственности, не могла быть самостоятельнымъ членомъ общины, какъ прежде не могла быть самостоятельнымъ членомъ рода. Сестра при братьяхъ не получала наслѣдства, только послѣдніе обязывались выдать ее замужъ. Замужняя женщина, сколько-бы ни выработала имущества при мужѣ, лишалась всякаго наслѣдства, если по смерти мужа вновь выходила замужъ. Опекунъ изъ ближайшихъ родственниковъ, передъ послухами или свидѣтелями—

1) Древн. русск. стих., 67—69.

2) Древн. русск. стих., стр. 225.

„добрыми людьми“ отбиралъ у ней все имѣніе, какое осталось послѣ мужа, и берегъ его для дѣтей. Сильный мужъ сплошь и рядомъ, по праву сильнаго, жилъ съ рабой, какъ съ женой, и приживалъ съ нею дѣтей, но эти раба и дѣти, прижитые съ ней сильнымъ мужемъ, лишались доли въ наслѣдствѣ. Человѣческое достоинство и жизнь женщины, по закону сильнѣйшаго, цѣнились вдвое и даже втрое ниже достоинства и жизни мужчины: по „Русской правдѣ“ за убійство „мужа княжаго“ или „слуги княжаго“ платилась (убійцей) двойная вира—80 гривенъ, за убійство простаго мужчины простая вира—40 гривенъ, а за убійство женщины только полвиры—20 гривенъ ¹⁾.

А. Щаповъ.

¹⁾ См. изслѣд. о Русской Правдѣ, г. Кемачева, 1846.